

А. А. Селин

МОСКОВСКИЕ КАРАНТИНЫ
Борьба с «моровыми
поветриями» в XVI–XVII вв.
в Новгороде и Пскове

ИИРГ
РАН

Санкт-Петербург
2020

ББК 63.3(2)43
УДК 94(47).04

C29

- Селин А. А.**
C29 Московские карантинны. Борьба с «морозными поветриями» в XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове. — СПб.: «Евразия», 2020. — 160 с.
978-5-8071-0504-2

Книга о московских карантинных XVI–XVII вв. написана профессором Департамента истории, главным научным сотрудником Центра исторических исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербургом А. А. Селиным. В книге исследуется то, как борьба с распространением заразы, прежде всего — чумы, происходила в Новгородской и Псковской земле в эпоху Московского царства, в XVI–XVII вв.

Предисловие

Данная небольшая книжка — реакция на массовый интерес к проблеме распространения эпидемий прошлого и борьбе с ними. Автору хочется рассказать о том, как борьба с распространением заразы, прежде всего — чумы, происходила в Новгородской и Псковской земле в эпоху Московского царства, в XVI–XVII вв. Эта эпоха показательно: присоединенные к царству новые земли на Северо-Западе сталкивались с «моровыми поветакрылками» в средневековье, а «мор» 1352 г. в Пскове был первым «ударом» «черной смерти» по средневековым русским землям. Новая власть вряд ли придумала что-то новое в отношении борьбы с эпидемией: огонь как универсальное средство борьбы, ограничение передвижения, упро-

© Селин А. А., 2020
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2020
© Оформление, ООО «Издательство «Евразия», 2020

шение обряда погребения при массовой гибели зараженных – все эти меры были известны. Однако способы их реализации в XVI–XVII вв. были военно-полицейскими, организуемыми за счет широкого привлчения местных ресурсов, а целью мер, принимавшихся наместниками и воеводами, были сбережение войска и охрана городов.

В книге вкратце рассмотрена история борьбы с эпидемиями на Северо-Западе и сделан акцент на трех кампаниях борьбы с «мором»: в 1592–1593 гг., когда в Новгородской и Псковской землях в боевой готовности стояли войска, направленные против шведов в Ливонии; в 1629–1630 гг., когда новгородский воевода и герой Смутного времени старался не пропустить чуму из Европы через недавно проведенную русско-шведскую границу; и в 1662 г., когда карантинны были выставлены на всем пространстве от Пскова до Москвы, чтобы не впустить чуму, восемью годами ранее уже напугавшую царский двор, к особе государя.

Введение **«Мор» и борьба с ним в средневековой Руси**

Из всех свирепствовавших в Средневековье эпидемий самыми страшными и самыми яркими, оставившими свой след в летописях и хрониках, были чумные. По наблюдениям А. П. Бужиловой, чумные эпидемии известны на Русской равнине с XI века. Исследовательница основывалась прежде всего на летописных данных. Уже в «Повести временных лет» удар эпидемии по древнерусским городам оценивался прежде всего как нечто необычное (впрочем, обычной еще и не мог успеть завестись, так как собственной древнерусской традиции в то время не было), а также – как источник огромного, необычного и тягостного числа смертей.

С XII века летописцы, описывая «моромые поветрия», делали акцент на огромном числе смертей. Одной из таких эпидемий был мор в Новгороде в 1187 г., по мнению некоторых ученых, возможно, принесенный из Западной Европы (Дербек, 1895; Бужилова, 2005)¹. В XIII в. основной причиной массовой смертности летописи называют голод, связанный с неурожаями. В 1230 г., однако, летописи описывают четыре скудельницы, сооруженных в Смоленске с тысячами погребенных в каждой, после мора (согласно А. П. Бужиловой – инфекционного). Через семь лет, в 1237 г., летописи пишут о море в Пскове и Изборске.

Наиболее известной трагедией Средневековья, охватившей многие страны Евразии, была эпидемия чумы в середине – второй половине XIV века. В средневековой Руси она имела свои особенно-

¹ Логика автора тут довольно проста: Новгород, что общеизвестно, издревле связан с Европой, значит, и «мор» пришел сюда из Европы (в 1187 г.).

сти, как в хронологии, так и в географии. Следует обратить внимание на опубликованную 45 лет назад статью Л. Лангера, в которой не просто была рассмотрена история распространения «черной смерти» на Руси, но и впервые был изучен ее глобальный контекст (Langer, 1975). Лангер, как и значительно позже А. П. Бужилова, отметил первый эпизод с появлением этого «мора» на Руси – псковский мор 1352 г. Борьба с «моровым поветрием» в значительной части ограничилась тогда обращением к церковным авторитетам – и символическая смерть прибывшего в Псков для спасения города от поветрия новгородско-псковского архиепископа Василия Калики на полпути между этими важнейшими центрами Северо-Запада, увы, не поставила точку в истории этой эпидемии. Скорее напротив: эпидемия распространилась и на Новгород тоже (по всей вероятности, это замечание Л. Лангера связано с источниками: текст Псковской летописи о «море» в Пскове так или иначе, по наблюдениям Н. С. Борисова,

был воспроизведен в Комиссионном списке Новгородской первой летописи, однако там больше звучит покаянный мотив, чума описывается как воздаяние за грехи) (Борисов, 2014). Впрочем, прекращение следующей значимой вспышки эпидемии в Пскове связано уже с визитом архиепископа Алексия в 1360 г., когда литургический обход города, согласно летописи, привел к прекращению трагедии. Но, по мнению А. П. Бужиловой, на Северо-Западе Руси очаг распространения эпидемии чумы непрерывно функционировал с 1387 по 1391 г. (Бужилова, 2005, 286–290).

Л. Лангер, следуя тексту Никоновской летописи, описал дальнейшее распространение эпидемии на восток уже в 1352/53 г., вымершие города Глухов (на Севершине) и Белоозеро; через год, в 1353 г., вымерли почти все члены московской великокняжеской семьи. Надо сказать, что касательно «мора» на Белоозере и в вымершем тогда городе есть убедительное мнение С. Д. Захарова, высказанное в монографии 2006 г.:

в летописной статье, описывающей «мор» «на Белоозере», скорее всего, говорилось не о городе, а о «всей области». О том, что «новый» город появился ранее начала эпидемии, говорят археологические данные (Захаров, 2006, 98–100). По мнению Л. Лангера, первая волна эпидемии достигла Руси через германские земли, а не из Крыма, как об этом принято было считать в историографии (хотя возможно, что в Киев и западнорусские земли она пришла из Крыма или из Литвы). Ученый обратил внимание на то, что в любом случае чума тогда шла на Русь по важнейшим торговым путям.

Принципиально иной была география следующей волны эпидемии, в 1364 г. чума «пришла с Низу», именно тогда (согласно Никоновской летописи — Борисов, 2014) вымерло и Белоозеро. Она достигла Нижнего Новгорода и распространилась по всем большим городам Руси. Умерших едва успевали хоронить. В 1374 г. чума повторилась и уже из Руси перекинулась на Орду. В 1389 г. эпидемия уже в третий

раз пришла в Псков. В это время летописи отмечают строительство заветных церквей — отчаянной попытки горожан спастись таким образом от «мора». Л. Лангер, перечисляя «моры» начала XV века в Смоленске (1401 г.), вновь в Пскове (1403 г., куда «мор пришел через Дерпт) и еще раз, в 1407 г., в Пскове, а в 1408 г. — в сельских волостях в округе Можайска, Звенигорода, Ржевы Володимировой. Лангер считает, что тогда, если эпидемия была только в сельских волостях, могли быть впервые предприняты меры наподобие карантинна (Langert, 1975, 58). Ученый подсчитал, что за 140 лет, с 1350 по 1490 г., каждые пять лет была эпидемия. При этом известные на Руси циклы эпидемии коррелируют с теми, что фиксируются по синхронным данным Западной Европы. Особенно ужасной была ситуация с эпидемиями на Северо-Западе: в Великом Новгороде с 1417 по 1428 г. «мор» наступал каждые два с половиной года, в Пскове — каждые два года. Лангер полагает, что примерно до 25 % населения Руси было в XIV–XV вв. по-

теряно. Другими результатами эпидемии было демографическое движение — привлечение сельского населения в города, каменное строительство². Последствиями эпидемии Лангер объясняет и рост «городского рабства» — появление многочисленных холопов-ремесленников в боярских дворах.

Другими последствиями преодоления «черной смерти» на Руси были, по Лангеру, серьезные изменения в географии трудовых ресурсов и их использовании. Последствием эпидемии Л. Лангер называет и трансформацию натурального хозяйства в «монетную экономику», появление монастырей «нового типа»³. Однако Лангер справедливо замечает: средневековым русским городам не удалось стать коммунами, как в Западной Европе.

² Надо сказать, что приводимые здесь Л. Лангером примеры преимущественно из более позднего времени, XVI в.

³ Здесь Л. Лангер ссылается на книжку И. У. Будовница (Будовниц, 1966), весьма низкого качества.

Это не может объясняться только «черной смертью». При этом, несмотря на потери городского населения, городская жизнь в средневековой Руси не прекращалась.

Один из самых ярких обзоров истории борьбы с эпидемиями, прежде всего с «черной смертью», в средневековой Руси был сделан А. В. Лаврентьевым (Лаврентьев, 2016)⁴. Он особенно отмечает, что не существует данных для того, чтобы говорить о масштабных людских потерях в сравнении с Западной Европой. Но на Руси, как пишет Лаврентьев, поразительным образом чума не стала таким «регулярным явлением», как это произошло в Европе. Одну из своих задач А. В. Лаврентьев видит в определении рефлексии современных авторов об эпидемии на территории Древней Руси. Упомянутый рассказ Псковской летописи под 1353 г. о «море» в Пскове,

⁴ Автор отмечает, что в своем исследовании он часто обращается к сумме данных из диссертации Ф. А. Дербёка (Дербёк, 1895).

согласно А. В. Лаврентьеву, — отдельное литературное сочинение, ждущее еще своего особого исследования; позднее оно переключалось в новгородское летописание. Почти все эпизоды сочинения имеют аналоги в описании чумы во Флоренции (Н. С. Борисов находит в тексте о море в Пскове заимствования из Проклпия Кесарийского — Борисов, 2014). Важно следующее замечание А. В. Лаврентьева: «И в западноевропейских, и в русском текстах речь идет не только о гигантских жертвах эпидемии, но и о проблемах с отпеванием и погребением скончавшихся от чумы, о взлете религиозности и массовом уходе в монастыри, столь же массовых раздачах горожанам движимого и недвижимого имущества, попытках индивидуального спасения “в миру в домах своих” как в Пскове, так и во Флоренции, боязни контактов с большими и проблемами ухода за ними, слухах о всеобщей скорой кончине, и пр». Следующий удар эпидемии, нанесенный по более восточным областям Руси — Москве, Ростову, Твери в 1360–

1370-е гг., когда практически пресеклись потоки Калиты, остались только два его малолетних внука, будущие герои Куликова поля, не нашел никакой реакции в новгородском летописании.

Массовые захоронения — один из важнейших следов эпидемии; их изучению применительно к новгородской истории посвящена большая и обстоятельная статья А. Н. Сорокина (Сорокин, 2015). Такие чрезвычайные захоронения, обозначавшиеся древнерусским словом «скудельница», известны по летописным данным в Новгороде с XIII века. Причиной массовых погребений, которые отмечали летописи, были две: пандемии и голодный «мор». В последний раз о скудельницах в Новгороде известно уже в начале XVII в., когда такие массовые захоронения возникают во время голода 1601–1602 гг.⁵

⁵ Здесь ученый ссылается на сообщение известного нидерландского купца о массовых погребениях в Москве во время голода 1601–1602 гг.: «В самой Москве было не лучше; провозить хлеб на рынок надо было тайком, чтобы

Исследователи предпринимают попытки идентифицировать упомянутые летописями скудельницы и археологически выявленные новгородские кладбища: единственные погребения большого числа людей, вызванные, вероятно, пандемией или голодом. Важным топосом нарратива о «голоде» — «массовых захоронениях» является ночное рытье таких могил. В Великом Новгороде такие захоронения происходили, по А. Н. Сорокину, в основном за пределами городской застройки. Пока смертность не превышала обычный уровень, горожане придерживались традиционной погребальной обрядности. Но когда происходили эпидемия или голод — санитарные зада-

его не отняли силой; и были наряжены люди с телегами и санями, которые каждодневно собирали множество мертвых и свозили их в ямы, вырытые за городом в поле, и сваливали их туда, как мусор, подобно тому, как здесь в деревнях опрокидывают в навозные ямы телеги с соломой и навозом, и, когда эти ямы наполнились, их покрывали землей и рыли новые» (Масса, 1937, 59).

чи брали верх и над обрядностью, и над традицией.

Само слово «скудельница» на северо-западе Руси особенно распространено в Псковской земле. В самом Пскове в урочище Скудельня, на Завеличье, есть церковь Жен-Мироносиц, построенная в 1546 г. (Спегальский, 1978, 56–57), причем А. Е. Мусин замечает, что, судя по контексту летописного упоминания о строительстве церкви, при ее постройке произошло изъятие «коллективных усыпальниц» в пользу храма, но что содержание скудельницы было в обязанности архирейской кафедры (как в 1546 г., так и, предполагает Мусин, в 1270 г.) (Мусин, 2010, 303). Специально топография псковских «моровых кладбищ» изучалась археологами О. В. Козюренко и В. Г. Кузьминым (Козюренко, 1995; Кузьмин, 2006; 2009). В окрестностях Изборска в местности «Скудельная», в 200–250 м от крепости, расположен могильник с каменными крестами (Деркач, Михайлов, 2014). Существует мнение, что и известный своими размерами каменный крест

Церковь Жен-Мироносиц на Скудельне

Труворов крест

близ г. н. Труворова городища («Труворов крест», подробнее: Медведева, 2015) – также памятник, связанный с массовым захоронением.

В научно-популярной статье Н. С. Борисова отмечается, что летописи умалчивают о заставах как средстве борьбы с эпидемиями в XIV веке, хотя и предполагают, что какие-то действия предпринимались уже тогда (Борисов, 2014). Можно согласиться с ученым, когда он утверждает, что «в «удельный период» в борьбе с чумой выигрывал тот правитель, который имел более действенную военно-полицейскую службу». При этом его выводы основаны на переносе реалий XVI в. на реалии средневековые (прежде всего на сообщения Генриха Штадена). Вторая часть статьи Н. С. Борисова посвящена карантинным мерам XVII в., установленным патриархом Никоном в 1654 г. Сам патриарх уехал в Макарьев Калазин монастырь, а царскую семью отправил в Вязьму. Главной задачей власти было сберечь находящееся под Смоленском войско (здесь Н. С. Борисов

опирается на два очень удачных замечания С. М. Соловьева: «Чтобы сберечь государя и войско, поставлены были крепкие заставы на Смоленской дороге, также по Троицкой, Владимирской и другим дорогам; людям, едущим под Смоленск, велено говорить, чтобы они в Москву не заезжали, объезжали около Москвы». «Заражённые деревни велено было засекаать и расставляя около них сторожи крепкие, на сторожах разложить огни часто; под смертною казнию запрещено было сообщение между заражёнными и незаражёнными деревнями». Летописец 1619–1691 г. описывал, как народ расхищал имущество умерших, «не убоясь страха Божия, не вспомянувшее тогда и смертного часа», описывая множество умерших от эпидемии⁶. Таким образом, очевидно, что основной целью упомянутых карантинно-полицейских мер была защита от болезни личности государя и войска. Возможно ли это,

вслед за Н. С. Борисовым, экстраполировать на средневековую эпоху; что могло быть объектом такой защиты, скажем, в средневековых Пскове и Новгороде (очевидно, не войско и не государь) — вопрос, не имеющий, как мне кажется, однозначного решения.

⁶ Летописец 1619–1691 г. // ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 183.

Заставы в Новгородской и Псковской землях в первые десятилетия «московской» эпохи

Вероятно, применение карантинных мер в Северо-Западной Руси, установление застав на дорогах для борьбы с эпидемиями пришли сюда вместе с московской властью в конце XV – начале XVI в. В словаре древнерусского языка И. И. Срезневского нет значения слова «застава» в смысле укрепления, преграждающего путь. Близки значения «передовой отряд»: по сообщению Суздальской летописи под 6876 (1268) г., литовские князья Кейстут и Ольгерд «заставу московскую побили на Тростне». Другое близкое значение «отряд войска, помещенный в городе для его защиты», так, например, Псковская летопись упоминает под 1484 г., что литовский «король» Андрей «заставу постави в Смо-

ленске» (Срезневский, 1893, 947). Те меры борьбы, которые по памятникам XVI в. фиксируются как уже установленные и регулярно применяемые в Псковской и Новгородской землях, являются признаками включения этой территории в орбиту московской культуры, в частности культуры санитарно-полицейской, с опорой на местные миры, но в интересах государя и войска.

Источники XVI века гораздо подробнее сообщают о том, как власть боролась с распространением моровых поветрий. Причем информация об этом относится не только к городам, но и к сельскому пространству (особенно — с 1560-х гг.). В качестве основного средства борьбы с распространением эпидемий была их локализация: оцепление «больных мест» и недопущение любых контактов со «здоровыми местами». Московское царство брало на себя ответственность за борьбу с эпидемиями. Актовые документы фиксируют те мероприятия, которые царские агенты должны были проводить в зара-

женных районах или тех, которые находились в контакте с зараженными. Важнейшими объектами охраны считались собственнo личностъ государя, а также его «слуги» — министериалы и служилые люди в целом. Незвестно обращений властей при введении карантиннoв собственнo к населению; никакого патернализма по отношению к посадскому человеку или землепашцу в актовых памятниках найти нельзя.

Наверное, одно из самых ранних сообщений о том, как московские воеводы борются с эпидемиями, содержится в известном послании старца псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофея к дьяку Мисюрю Мунехину (ок. 1521–1522 гг.). Он резко выступал против мероприятий псковских властей: вы-де «пути загражае, дома печатае, попом претите к болящему приходити, мертвых телеса из града далече измещаете» (Малинин, 1901, Приложение, 26–30). Дьяк в это время оставался единственнoм представителем центральной власти в Пскове (Малинин,

1901, 159); все псковские наместники из города уехали; именнo поэтому риторика старца Филофея обращена к М. Г. Мунехину. Согласно Филофею, противиться Божьей воле (как противятся человеческой злобе) — идея, недостойная христианина (и просто глупость); Филофей, цитируя послание митрополита Фотия, объяснял дьяку М. Г. Мунехину, что «мор» — это наказание за грехи, а не то, что можно преодолеть административными мерами (Шламин, 2002, 39).

А. И. Филюшкин обратил внимание на окружение Пскова заставами против эпидемии — «морового поветрия» в 1567 г. Об этом содержится упоминание в житии Корнилия Печерского. Согласно житию, его пророчество связано с заставами близ Пскова: в сентябре 1567 г. стражники заставы, поставленной против проникновения в Псков морового поветрия, будто бы видели у моста через реку Череху ночами сияющий свет и множество воинов, идущих к Пскову. О заставе на реке Черехе, близ Пскова, упоминается также

и в 1581 г., в «Баториев приход» (Фильошкин, 2013, 50, 75).

Д. Н. Альшиц опубликовал царскую грамоту 1571 г., направленную в Кострому к кн. М. Ф. Гвоздеву-Ростовскому, которому было поручено установить заставу от морового поветрия. Это первая хорошо сохранившаяся грамота, регламентирующая меры, которые следовало предпринимать для прекращения поветрия и установления карантина: посланные в Кострому великокняжеские наместники должны были следить «накрепко, чтобы поветренных мест в неповетренные места не ездил никто, никако человек, никакими делы... однолично ис поветренных мест на здоровые места поветрее не навезти — розни б у вас в нашем деле однолично не было никоторые». Грамота была написана «с выговором». Царь упрекал князя М. Ф. Гвоздева (Альшиц назвал его воеводой, но воеводского управления на Костроме в это время, видимо, еще не было): «И ты для которово нашего дела послан, а ты забываешь, большово

бразничаешь, и ты то ворешь!» (Альшиц, 1956). Этот, как справедливо отмечал Д. Н. Альшиц, стиль грамот царя Ивана оказал влияние и на позднейшие практики администрирования любых кризисных ситуаций.

Довольно много известий об ужасах и тяготах карантинной содержания в записках иноземцев. Наиболее часто цитируется известие «немца-опричника» Генриха Штадена, служившего московскому царю в 1560–1570-е годы. Описывая несчастья, обрушившиеся на Московское царство, Штаден писал: «К тому же всемогущий Бог насладил ещё великий мор. Дом или двор, куда заглядывала чума, тотчас же заколачивался, и всякого, кто в нём умирает, в нём же и хоронили; многие умирали от голода в своих собственных домах или дворах. И все города в государстве, все монастыри, посады и деревни, все проселки и большие дороги были заняты заставами, чтобы ни один не мог пройти к другому» (Штаден, 1925, 92–93). В тексте Г. Штадена также присутствует тоπος массовых захо-

ронений⁷, он пишет об установленном на границах царства строгом режиме. Штаден описывает Каринскую заставу перед «опричной столицей» – Александровой слободой, в трех верстах по дороге к Москуе. Через эту заставу пропускали только с царской «памятью» (пропуском от царского имени) (Штаден, 1925, 86).

Англичанин Энтони Дженкинсон также оказался заперт в Архангельске в условиях московских карантинных и не мог снестись с царским двором: «...во всей стране, по Божьему соизволению, был мор, везде закрыты были проходы, так что никто не смел проезжать под страхом смерти. Мой

---

⁷ И мор, и голод воспринимались современниками как божье наказание и описывались сходным образом. Это объединило эти катастрофы Средневековья и раннего Нового времени, вырабатывало общий язык их описания. Логично, что в исследовании Л. Пангера о трудных ресурсах средневековой Руси (Langner, 1975) и в более ранней статье А. Кожена (Cohen, 1968) эпидемии и голодные годы объединены в блок факторов, влиявших на человеческие ресурсы.

гонец, проехав по дороге 800 миль, был остановлен и задержан в гор. Шазсо (видимо, Шацк. – А. С.), и ему не позволили ни ехать дальше, ни возвратиться назад, ни послать ко мне; вследствие этого я в продолжение 4 месяцев не мог ни узнать, ни услышать о том, что случилось с ним; между тем он нашел средство уведомить вологодского воеводу о своей остановке и о причине его приезда сюда. Воевода отвечал ему, что нельзя ехать дальше к царю, без приказаний его величества, что царь ушел на войну со шведами, но что он, воевода, известит государя, как только это можно будет ему сделать. Таким образом, мой гонец принужден был оставаться без ответа. Между тем я, вследствие большой смертности, решил отправить другого гонца с проводником по неизвестной дороге, чрез пустыню, 1000 миль в обход, полагая, что по этой дороге он проедет без задержек; но случилось иначе: и он, проехав большую часть пути, попал в руки стражи и едва избегнул опасности быть сожженным с проводником и лошадьми по

закону против отыскивающих проездда по непрямым дорогам; много людей поплалилось за эту вину, которые не могли откупиться от наказания. И этот вестник не мог возвратиться ко мне» (Дженкинсон, 1884, 74). «Непрямые дороги» как способ обойти заставы, угроза «сожжением» людям, находившимся в контакте с заболевшими (на что указывают и цитирующие вышеупомянутый царский наказ в Кострому, опубликованный Д. Н. Алшицем) – все это помешает этот нарратив о борьбе с мором в контекст, близкий тому, что присутствует в летописании.

Наказы воеводам и регулирование карантина на Северо-Западе

Администрирование карантина в Новгородской и Псковской землях регулировалось через указы воеводам и другим ответственным лицам, написанные от имени царя, а фактически составленные в том или ином приказе или четверти⁸. Но такие указы достаточно плохо сохранились и не систематизированы; выявлять их отпусти в архиве Разрядного приказа

⁸ Например, в 1592–1593 г., во время русско-шведских переговоров в Тавзине, такая власть отчасти принадлежала послам, окольничему М. Г. Салтыкову и Д. И. Черемисинову; в 1602 г., накануне встречи датского принца Ханса в Ивангороде и Новгороде, тот же М. Г. Салтыков официально обладал большими полномочиями, чем новгородский воевода. Подробнее: Селин, 2014а.

и подлинники в архивах местных приказных изб — задача на большую перспективу. Наиболее ранний из известных наказов новгородским воеводам (1617 г.) сохранился в составе разрядных книг 1616/17 г.; он был опубликован в 1837 г.⁹ и позднее дважды опубликовался. В исследовании о русско-шведской торговле после 1617 г. И. П. Шаскольский довольно подробно рассмотрел регулирование этим наказом торговых вопросов (Шаскольский, 1966). Обстоятельства появления этого наказа, а именно необходимость в нормализации новгородской жизни после передачи города московской администрации в марте 1617 г., определили специфику его содержания: важнейшей целью его было умиротворение вновь присоединенного рода. В наказе, впрочем, говорится о том, что в случае военной опасности сторожи держать за городом и по дорогам, не вы-

⁹ Наказ воеводам, отправленным в Новгород в 1617 г. / Сообщен П. И. Ивановым // Русский исторический сборник. Т. I. Кн. 2. М., 1837. С. 79–103.

пускать изменников с государственной стороны, а с «немецкой» и с «литовской» сторон — лазутчиков. Однако только этим все меры, ограничивающие движение по Новгородской земле, и исчерпываются; предположения о готовности воеводской власти к борьбе с эпидемией в наказе не возникает.

Подробные инструкции о том, как воеводской администрации следует бороться с эпидемиями, известны по наказам второй половины XVIII в. Важнейшим средством борьбы против «заразы» считался огонь, который, по общему мнению, являлся препятствием распространения «мора», нахождение людей по разные стороны огня считалось безопасным. Поэтому необходимая деловая коммуникация (передача грамот, известий) велась следующим образом. За заставой разжигался огонь, стоявший с зараженной стороны близ огня гонец читал документ, а находящийся по здоровую сторону подьячий должен был на слух записывать содержание. Сложности возникали, когда доку-

мент был не на русском языке, а на каком-то ином; тут требовался переводчик или толмач.

13 января 1681 г. смоленскому воеводе боярину кн. И. Б. Троекурову была направлена царская грамота. В ней содержалось известие о моровом поветрии в Кракове, полученное из «немецких вестовых листов», которым в столице оказывалось полное доверие: Князю Троекурову было приказано «в Смоленске и в смоленских пригородах на причинных местах от литовского рубежа, проведая чрез нарочных через литовский рубеж посыльщиков подлинно, учинить заставы и виленскую почту, которая ходит с вестовыми и иными из Вилыны чрез Смоленск, на заставе задержать, и в Смоленск и из Смоленска к Москве не пропускать». Вестовые и иные польские и латинские письма, которые приходили в Смоленск, следовало переводить «чрез огонь». При этом смоленским переводчикам не доверяли и для перевода важных грамот в Смоленск из Посольского приказа был прислан переводчик

Степан Чижевский¹⁰. С. М. Шамин обратил внимание на то, что карантин — достаточно затратное мероприятие — вводился на основании «переводов с курантов» (Шамин, 2007, 136).

Наиболее подробно методы борьбы с эпидемиями были расписаны в наказе новгородскому воеводе ближнему боярину кн. И. Ю. Трубецкому, данном в декабре 1699 г. Две статьи наказа (19-я и 20-я) подробно регулировали, как воеводе следовало действовать в случае, если «в Вельком Новгороде учинится ведомо, что в Польской и в Литовской и в Немецкой стороне или в иных местах объявится где на люди моровое поветрие». В этом случае та часть границы, где «про поветрие скажут, и по малым стежкам и по приметным местам велеть учинить заставы крепкие тотчас; а на заставах быть для береженья головам, а с ними служилым и уездным людем, где по скольку человек пригоже

¹⁰ ПСЗ. Собрание 1. Т. 2. СПб, 1830. № 858. С. 294–295.

и велеть им смотреть и беречь того накрепко, чтоб... никаков человек не прошел и не прокрался никакими обычаяи». Если же из-за границы кто-то приедет и скажет, что едет «на вечную службу», или придут к заставам «выходцы-полоняники», то их следовало через огонь на заставах допросить про «поветрие». Если, по их словам, «поветрие» за границей есть, пришедших следует держать за заставами в деревнях. «И из деревень, в которых будут поставлены, никуда не пускать и к ним никого не пропускать, и ничего у них иметь и покупать не велеть, чтоб от того в здорové места на люди поветрее не нашло». Всю документацию, которая будет связана с удерживаемыми на границах людьми — «расспросные речи и всякие письма, которые у них есть», — следовало «переписывать на новую бумагу дважды, и на новой бумаге расспросные их речи велеть присылать в Новгород, а на прежней бумаге те их расспросные речи на заставах велеть сжечь, а в Великом Новгороде велеть переписать на новую бумагу дважды

или трижды». Отправляя такие документы дальше, «по городам», их следовало снова переписывать, а тех людей, которые с этими бумагами будут приезжать в Москву — сказывать о своих отписках караульщикам в Земляном городе¹¹.

¹¹ ПСЗ. Собрание 1. Т. 3. СПб., 1830. № 1738. С. 682–690.

Хорошо бы изменить название раз-
дела, чтобы можно было вынести в
колонтитул более "говорящую" часть.

Борьба с мором...

Борьба с мором в ходе первых Тавзинских переговоров (1592–1593)

Более или менее полные данные о борьбе с эпидемиями в Новгородской и Псковской землях относятся к концу XVI в. Не позднее 1586 г. засека «от Божья поветряя» сооружается в районе Тесова, острога, расположенного в 40 верстах к северо-западу от Новгорода, на дороге в Ивангород. В межевой книге Тесовской волости о такой засеке говорится как о сооруженной за некоторое время до ее составления: «...а от сосны к дороге, которая дорога от государева села Тесова к Спаскому яму, а у дороги сосна, а на ней грань, и от дороге засеком, что была засечена от Божия поветряя до Тесовского озера»¹².

¹² Архив СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 84. Л. 15 об.-16.

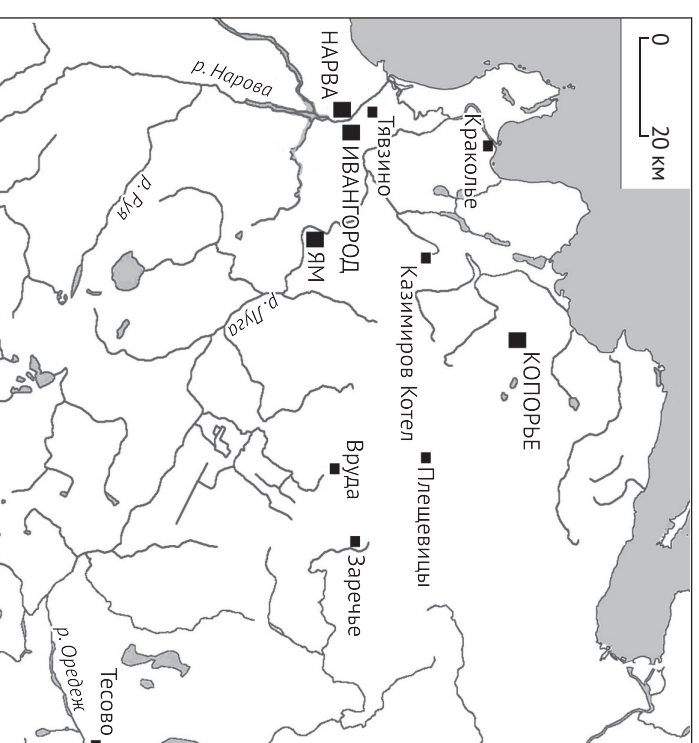
В годы русско-шведской войны 1590–1593 гг. система контроля за моровым поветрием в районе боевых действий была уже явно отлажена. Осенью 1592 — в январе 1593 г. в деревне Тавзино под Ивангородом находился стан русских послов, окольного М. Г. Салтыкова, думного дворянина Д. И. Черемисинова и дьяка П. Дмитриева. Они регулярно писали письма в Москву, в Посольский приказ и боярину Б. Ф. Годунову. Вокруг бушевала эпидемия. В обстановке опасности «морového поветрия» отписки по слов в Москву несколько раз копировались: сперва подлинники доставлялись из Тавзина по Ивангородской дороге на ставку в Тесово (стоявшее в Тесове войско весь рассматриваемый период возглавляли кн. В. В. Булгаков-Голыцын и окольный кн. И. В. Великово-Галин). На специальной засеке дворянин Иван Старого-Милюков копировал все привозимые из зараженных мест грамоты, отписки, допросные речи, эти копии пересылались в Новгород. Там, в приказной избе, при воеводе боярине

кн. В. И. Шуйском (будущем царе) они ко-
пировались еще раз, а списки, сделанные
в Новгороде, отправлялись в Москву. Сле-
дующая застава, где, вероятно, списыва-
лись уже сделанные в Новгороде списки,
была в Вышнем Волочке, куда некоторые
расторопные гонцы добирались из Новго-
рода за один день¹³. Оседлавший в Новго-
роде пласт документов (списки посольских
отписок, сделанные в Тесове, подлинны
отписки из Тесова от воевод кн. В. В. Голи-
цына и кн. И. В. Великого-Гагина, отпуски
отписок из Новгорода в Москву), однако,
не уничтожился, но сохранился в составе
столбца¹⁴.

Еще одна застава была тогда поставле-
на на перевозе через Лугу в районе Яма.
В одной из грамот в Посольский приказ
воевода П. Н. Шереметев описывает: «И до
Росоны-реки, а судов выбрали сколько
мочно лутчих, которые суды поставлены

¹³ Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296.
Ст. 327–328.

¹⁴ Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296.

Эпидемия в районе Таврических переговоров

Авт.? На этой карте зона эпидемии
никак не отмечена.

у Ямы, а не в заповеду и (мы велели) за каказом посадити в судех пеших стрельцов з головою до пачисот человек или сколько мочно, сколько судов выберетца, а будет суды в заказе у Ямы, и нам бы... (их и)мати и людей стрельцов не сажати в них, а только суды не в заказе, в здорových местех стоят, и нам бы взяти суды под стрельцы». По всей вероятности, где-то в этих краях были и очаги эпидемии, так как воеводе П. Н. Шереметеву предписывалось узнать, из каких именно мест, «казных» или «здоровых», он будет брать необходимые для перевозки стрельцов лодки¹⁵.

Существование застав и этой системы переписывания важнейших документов через огонь давало возможность дипломатам уходить от ответственности перед начальством. Так, явно допустившие дипломатическую ошибку послы окольный М. Г. Салтыков с товарищами оправдыва-

лись перед Посольским приказом, что они «свейским послом того не говаривали, что бес Корелы нам учинити перемирья, нечто будет прописали на заставах»¹⁶. И наказания они не понесли.

Другой очаг эпидемии был в районе Копорья: «И ис Копорье, государь, нам, холпом твоим, воевода Василий Белеутов с товарищи посылают редко и не помногу, а пишут нам, холопом твоим, что подвод под запасы взяти не с ково, потому что новые деревни от поветрея позаперты, в которых деревнях было поветрее преже сего»¹⁷. Возможно, поветрие бушевало и в Ивангороде. В конце октября 1592 г. тамошний воевода, окольный кн. Ф. И. Хворостинин, отправил в Москву списки умерших пушкарей, предполагаю, что от эпидемии¹⁸.

¹⁶ Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 323–324.

¹⁷ Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 6–10.

¹⁸ Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 60.

¹⁵ Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 6–10.

Дьяка Постника Дмитриева, одного из ключевых участников переговоров в Тавзине, которого шведские уполномоченные в грамотах именовали «думный канцлер», несправедливо «повышая» его в чине, кто-то обвинил в том, что он послылал своего духовника «в поветренные места больших людей понавливать и мертвых хоронить и от того деи поветрее в полках учинилось». Таким образом, действия П. Дмитриева могли рассматриваться как злостное нарушение карантинных мероприятий. Дьяк вынужден был слать оправдания в Посольский приказ: «и я, холоп твой, по твоему государеву крестному целованью своего черного попа в поветренных местах ни одного большого человека понавливати не посылывал и мертвых хоронити не веливал, и то, государь, на меня, холопа твоего, писали к тебе, ко государю, или извещали ложно или по недружбе». По его словам, у него даже не было времени куда бы то ни было послать своего духовника, так как после приезда послов в Тавзино тут же начались

переговоры (на самом деле — спуская почти три недели). В этой спешке, писал в Москву дьяк П. Дмитриев, он оставил своего духовника в обозе, догнавшем посольство только через шесть дней, уже в Ивангороде. А безымянный духовник дьяка, «скажывают, едучи на дороге в монастыре на Зверинце без моего ведома отпелал над сыном боярским да над попом да над пономарем, а погребены, государь, они, скажывают, были до тех мест больши трех недель». Однако по дороге «черный поп» заболел «студеною болезнью», т. е. простудой. Однако дьяк, как только увидел простуженного попа, то сразу отослал его в деревню, находившуюся под карантинном, где тот лежал пять дней и на пятый день скончался. Дьяк писал: «и тою болезнью в той деревне и не стало, а не поветреною, и умер не у меня в станишку». Судя по всему, эпидемия и просто простудные осенние болезни гуляли по этой части Ингрии в сентябре — октябре 1592 г. Дьяк писал: «мерли... во многих деревнях около полков многие люди и в полках

изрывом мерли ж до нашего... приезду в передовой полк, и поветрея, государь, от меня, холопа твоего, никакого не учинилось». Дьяк, уверенный в своих словах (или в том, что он найдет свидетелей в подтверждение своих показаний), просил Посольский приказ о следствии. Впрочем, оно не состоялось¹⁹. П. Дмитриев от правил свою челобитную в приказ (на имя царя Федора Ивановича) и дословную копию этой челобитной — «государеву слуге и конюшему боярину» Борису Федоровичу Годунову²⁰, который, вероятно, пристально следил за ситуацией вокруг переговоров в Тавзине.

10 ноября 1592 г. послы писали в Москву, цитируя свой наказ, который им был дан в Москве в преддверии того, как направить их в земли, где бушевала эпидемия: «как у нас учнет Бог милость от поветренные болезни и в котором

¹⁹ Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 165.

²⁰ Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 166.

месте мы, холопи твои, учнем стоять, и нам бы о том к тебе, к государю, отписать». Послы докладывали, что в их свите «поветрея нет, дворяне и дети боярские и всякие люди, которые посланы с нами, холопи твоими, для посольского дела на съезд, и людшка наши, дал Бог, здорово»²¹.

В конце ноября 1592 г. ушедшие в ходе «дипломатического танца» — разрывая переговоры со шведской делегацией окольный М. Г. Салтыков и другие послы снова писали в Москву, что они отошли от р. Наровы в дворцовое село Казимиров Котел, неподалеку от крепости Ям, «а Казимиров Котел, государь, место здоровое, моровое поветрее в нем и в деревнях около Котла, где стояли твои государевы дворяне, не бывало»²². Надо сказать, что хотя переговоры в Тавзине продлились почти до конца января, но

²¹ Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 145.

²² Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 174.

после Рождества информация об эпидемии пропадает из источников. Карантинные меры, предотвращавшие попадание подлинных документов из рук в руки, продолжались до самого завершения переговоров.

Хорошо бы изменить название раздела, чтобы можно было вынести в колонтитул более "говорящую" часть.

Борьба с «моровым поветрием» на русско-шведской границе в 1629–1630 гг.

Особенности установления карантина на русско-шведской границе в этот период были сопряжены со спецификой организации пограничной охраны (которая была результатом Столбовского мира 1617 г. и отделила Ингерманландию, новую шведскую провинцию, от Новгородской земли). После демаркации границы на этом участке (в марте 1618 г.) серьезного режима контроля ее пересечения не возникло. Все изменили карантинные мероприятия.

С. М. Шамин в подробностях рассматривал вопрос о том, как влияли вести из Европы о распространении там эпидемий на политику московских властей. По наблюдениям ученого, только с началом войны

с Речью Посполитой в 1654 г. эпидемия распространилась в русском войске, что привело к чрезвычайным мерам, предпринятым Никоном; после этого, с 1660-х гг., московское правительство по курантам отслеживало «появление очагов заразы» в Европе (Шамин, 2011, 210–211). Однако еще в 1629 г. именно слухи об эпидемии в шведских балтийских владениях заставили московское правительство, еще не имевшее курантов и регулярных извести из Европы, предпринять меры по предотвращению чумы в приграничных областях.

С весны 1629 г. в Южной и Центральной Европе пронеслась чума. Она моментально пролетела Италию и Германию и достигла южного берега Балтики уже к октябрю 1629 г. (Делюмо, 1994, 85; Самаркин, 1976, 195). С сентября по начало декабря 1629 г. в Нарве и Ивангороде действовало бушевала эпидемия. Самый серьезный мобилизационный поворот, фактически создавший русско-шведскую границу в качестве укрепленной линии, был вызван

слухом о распространении в Ингерманландии (и в Швеции в целом) «морового поветрия», впервые появившимся в октябре 1629 г., потом опровергнутым другими слухами. Очень скоро известия об этом достигли приграничных районов Московского государства, и правительство приняло срочные меры. Новгородские власти инструктировали заставных голов послать «для вестей» только надежных крестьян и только в ближайшие к границе местности²³. Позднее известия о моровом поветрии возникли и в мае, и в августе 1630 г., однако границы уже не открывались.

2 октября 1629 г. в Новгород пришло известие из Сомерской волости, приграничной местности в западной части Новгородчины. 28 сентября к приказчику явилась девка Авдотьица, жительница д. Корино Старопольской сотни, побывавшая на шведской стороне. Дошрошенная, она показала, что в Нарве

²³ Архив СПбГИИ. Ф. 109. Д. 419.

и Нарвском уезде началось «моровое поветрие» и между Нарвой и Ивангородом в целях безопасности разобран мост через Нарову. Эти известия были подтверждены в тот же день вернувшимися из Ревеля новгородским посадским человеком Артюшкой Григорьевым²⁴. Источник его информации был своеобразным: он и другой новгородец Яков возвращались из Швеции вместе с нидерландским купцом «Самуилом Леонтьевым» (купцом Самуилом Браувером) (о нем подробнее: Селин, 2014б). Последний, будучи в Нарве, отправился к наместнику за проезжей грамотой и после визита к наместнику тут же передал своим спутникам, чтобы они, не мешкая, уезжали из Нарвы, так как там началось «моровое поветрие». Новгородские власти не впустили купцов в государство и выслали их за границу, после чего предупредили псковских воевод, чтобы те поставили заставы на границе с Ивангородским уездом Ингерманлан-

дии²⁵ (об этих мероприятиях псковских воевод мне неизвестно).

На следующий день новгородские власти (а первым воеводой в городе был боярин кн. Д. М. Пожарский) начали принимать решительные меры по укреплению границы. Все важнейшие дороги, сухопутные и водные, были заперты острожками и заставами. Произошло распределение участков границы, проходивших по Новгородскому уезду между заставными головами, в ведении которых находились «сторожи», т. е. маленькие караулки на проселочных дорогах и тропках.

Самый западный участок охранял Иван Захарьевич Баранов, в ведении которого было трое детей боярских, посланных «дозирать сторожи» от Сомерского острога до Тесова, а в другую сторону — от того же острога до Псковского уезда (с 4 октября его сменил И. И. Шипилов). Следующий участок ориентировался на

²⁴ Архив СПбГИИ. Ф. 109. Д. 882.

²⁵ Архив СПбГИИ. Ф. 109. Д. 757.

Заставы вдоль русско-шведской границы в 1629–1630 гг.

Тесовский острог (эта застава перекрывала сухопутную Ивангородскую дорогу), где командовал голова П. С. Обольянинов; у него в помощниках было пятеро детей боярских и 20 стрельцов. Он также должен был выставить сторожи на запад — до Сомерской волости, на восток — до Тигодской заставы, закрывавшей дорогу из Новгорода в Нотебург/Орешек. На последней головой служил Андрей Путилов, с тремя детьми боярскими и 10 стрельцами. На западе он сходиллся с зоной ответственности Тесовского острога, на севере — с Лавуинской заставой, закрывавшей дорогу между Ладогой и Нотебургом/Орешком. Там головой был назначен Василий Неелов. Ему было поручено взять из Ладогои двои детей боярских и 10 стрельцов и казаков и охранять пространство от зоны Тигодской заставы до Волховского устья. На Волховском устье заставой стоял Д. С. Пущин, также с двумя детьми боярскими и 10 стрельцами и казаками из Ладогои.²⁶

²⁶ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 763.

На этом охраняемая линия границы осенью 1629 г. кончалась; только весной она была продолжена на восток. Стрельцы, отпавленные из острожков на дальние заставы, должны были правильно снабжаться. По жалобе стрельцов в декабре 1629 г. заставному голове в Тесове было приказано отправить на небольшие сторожевые посты крестьян с санями, для подвоза сена и провианта²⁷.

Ладожский воевода В. Ф. Неплюев получил указание обеспечить назначенных на заставы Василия Неелова (на Лавую) и Дмитрия Пушина (на Волховское устье) стрельцами и казаками (по 10 человек на заставу). Воеводе предписывалось не пропускать едущих из Швеции русских и «немцевких» купцов с товарами и не селить их в Ладого и отправить за границу посадских людей в качестве лазутчиков²⁸.

Большого энтузиазма мероприятия Д. С. Пушина по закрытию границ у сель-

ского населения не встретили. То же самое было и в других местах. Посланный Пушиным в Маселыгский погост казак Осыка Пиркинский не смог получить у прикащика в поместье дьяка М. И. Милославского крестьян для службы на заставе, причем приказчик, пользуясь, вероятно, авторитетом своего господина, ответил резко: «...ранее не давали и впредь не будем давать»²⁹.

Исполнительный Пушин не только преградил дорогу возвращавшимся в Московское государство торговым людям — новгородцам Острату Богомолову, Степану Боброву, Ивану Гаврилову, но и возвратил на границу приехавших из Швеции ладожан — Темку Игнатьева и Василия Лешкина³⁰. В допросных речах задержанных говорилось, что ни с какими признаками эпидемии в Шведском королевстве они не сталкивались, однако новгородские власти отказались этому верить

²⁷ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 419.

²⁸ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 443.

²⁹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 412.

³⁰ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 463.

и писали Д. С. Пушкину: «...про моровое поветрее они тебе не сказали воровски для того, чтоб им проехать в Великий Новгород». Воевода кн. Д. М. Пожарский настаивал на высылке их назад за границу³¹.

За задержанных купцов перед воеводой ходатайствовали их новгородские товарищи. Они жаловались на скорбное положение неудачников: те стоят в Волховском устье, «а к берегу не припущены», теперь суда в Московское государство не пропускают, а «в судех ездити не уметь». 29 октября воевода вынес резолюцию: «...отписати на заставу, велеть поставити на заставе в деревне»³². В ноябре новгородские купцы писали в челобитной, что легально были отпущены для торговли в Стокгольм, но по возвращении уже больше 20 недель стоят в Волховском устье и вконец разорились. В связи с общим ослаблением режима они просили их отпу-

стить: «А ныне, государь, по твоему государеву указу з застав заставщиков сняти и в Неметцкую землю и из Неметцкой земли на Русь пропущати велено»³³. Несколькo осенних и зимних недель прожили бедолаги-новгородцы в устье Волхова, пока не было получено разрешение пропустить их в пределы Московского государства³⁴. При этом единственного из купцов, которого приказано было оставить за границей (Семейку Глазкова), Д. Пушкин не мог отослать назад, так как и Волховское устье, и Ладожское озеро близ него в ноябре замерзло³⁵. В январе 1650 г. воевода боярин кн. Д. М. Пожарский разрешил Д. С. Пушкину пропустить задержанных на заставе новгородцев и впредь до распоряжения пропускать через заставу «такие и свейских и всяких торговых людей, кто едет из здоровых мест с проезжими грамотами»³⁶.

³¹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 458.

³² Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 457.

³³ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 487.

³⁴ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 460.

³⁵ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 427.

³⁶ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 488.

В наказной памяти заставным головам подробно разбиралась задача, стоявшие в ситуации опасности проникновения в Московское государство эпидемии. Тесовский заставный голова Петр Обольянинов должен был, прибыв на место, проверить справедливость слухов о «моровом поветрии» в Ивангороде; до получения точных известий ему следовало следить, чтобы из-за границы «по большим дорогам и малым стежкам и по перевозам никто не прошел»; во всех возможных местах перехода голова должен был поставить малые заставы. На заставную службу следовало определить по два крестьянина и по стрелыцу. Для «досмотра» застав к нему прикомандировывались дети боярские; им следовало смотреть, чтобы через заставы «никто не прошел и не прокрался». Заставный голова получал власть от правлять своих гонцов на крестьянских подводах, но требовалось брать эти подводы с тех людей, у кого лошади есть, поровну; «для того, что дело великое и подводы для того дела доведетца имати не

по дозору не по живущим вытям, потому что многие крестьяне у дозорщиков утаены, в дозорные книги не написаны, а иные после дозорщиков вновь пришли и тяла с волостными людьми не платят, живут в избылех». Последнее место наказа было реакцией на челобитную тесовских дворянских крестьян, которые жаловались новгородским властям на самоуправство заставного головы П. С. Обольянинова, в частности, на то, что он разослал по заставам крестьян вместе со стрельцами и «подводы у нас поимал насильно», «а в окольных погостах в боярщинах имати не велит»³⁷.

Посмотрим, как на заставах велся сбор информации и насколько она была достоверна, насколько предпринятые меры действительно могли противодействовать эпидемии.

В Тесово Петр Обольянинов прибыл 4 октября 1629 г. В этот момент на Тесовской пристани находились приехавшие из

³⁷ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 423.

шведских владений новгородские купцы Ефим Жеревля, Ждан Рохнов и Савка Иванов. Они привезли из Яма соль и хмель. По словам купцов, они выехали из Яма за неделю до Покрова (примерно 23–24 сентября), проведя в Ивангороде около четырёх дней. Они полностью отрицали факт эпидемии в Нарве и Ивангороде, и на вопрос (видимо, прозвучавший) о мосте через Нарову отвечали, что он цел. П. С. Обольянинов, однако, не пропустил ни их, ни случившихся в Тесове «немецкого» купца и ивангородского торгового человека Михалку Сысоева в Новгород, но отослал их всех за границу. Он также устроил три «далыных» сторожи — в Зверинском монастыре, в д. Бежаны на Луге и в д. Глудицы на Оредеже, закрыв таким образом возможные дороги в Московское государство³⁸.

8 октября 1629 г. из Ямгорода в Тесово приехал сын боярский Григорий Елагин, провожавший, видимо, по поручению нов-

³⁸ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 470.

городских властей, какого-то шведского подданного за границу. С ним ездил в проволниках дворянский крестьянин Минка Хомутов. По дороге они проехали заставу в д. Сторонье, которую охранял помещик Елизарий Судаков с крестьянами. Очевидно, вскоре после того, как Елагин уехал по направлению к границе, началась тревога, в связи со слухами об эпидемии в Ингерманландии, после чего тесовский голова выставил еще одну заставу, «на Ямской рубез на Лугу-реку в деревню Бежаны». Однако и Г. Елагин, и М. Хомутов разминулись со стрельцами, посланными на заставу, и, возвращаясь из «зараженных» мест, приехали в Тесово. Голова тесовской заставы П. С. Обольянинов отправил обоях, и сына боярского, и крестьянина, в сопровождении стрельцов назад, на границу, в д. Муравейно ожидать указа новгородских воевод. При этом Г. Елагин успел сообщить П. С. Обольянинову о том, что встретил в Сторонье Ивана Судакова, приказчика Сомерской волости. Судаковы рассказали Г. Елагину о «моровом поветрии»

в Нарве, где примерно месяцем ранее вымерло два двора, но с тех пор смерти прекратились³⁹.

Другая отписка П. С. Обольянинова в Новгород указывает на еще одну «строжку», подчиненную Тесовскому острогу, на Оредеже, в районе Егорьевского погоста (совр. д. Нестерково), и на Луге, в д. Бежаны⁴⁰.

Новые сведения об эпидемии пришли в Тесово 14 октября, когда в острог с известиями пришел дворянский крестьянин Никита Тишкин, ходивший в Ингерманландию в д. Выра и в Ям, посылавший своих затранных друзей во Врудский погост. Эпидемия к тому времени распространилась уже за Ям, в д. Ямсковичи, но нигде более, кроме городов Ям и Ивангород, случая заболевания не было зафиксировано. Пришедший из-за границы сомерский стрелец сообщал также, что в Нарве в конце сентября было «моровое поветрие», равно как

и на Нарвской мельнице, на Горах и на реке Росоне. Однако, по слухам, эпидемия там прекратилась⁴¹.

12 октября возвратившийся в Сомерскую волость крестьянин Андрей Якунин сообщил, что в Нарве умерло двое и около десяти человек — на Нарвской мельнице. Нарвский наместник уехал из города в Копорье, а его жена — в Ямгород, «на то время моровое съезжали». «А ругодивские полатники с ыванегородцы сходятца». Однако в настоящее время люди от эпидемии не умирают⁴². 26 октября 1629 г. до сомерского заставного головы И. И. Шпилова дошел наказ от новгородских властей об устройстве застав на всех местах возможного пересечения границы, «накрепко от морового поветрия», а также послать за границу в лазутчиках «лучших» крестьян. Всего Шпилов мобилизовал 50 человек для охраны застав. 25 октября к нему пришел вернувшийся из Ямского уезда кре-

³⁹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 426; Д. 761.

⁴⁰ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 794.

⁴¹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 471.

⁴² Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 455.

стьянин Никифорко Парфеев, побывавший у родственников в двух верстах от Яма. Они поделились паническими слухами о распространении эпидемии на восток от Нарвы, в Ивангород. По их словам, и «на Яме пострелило дву человек октября к 22-му числу в ночи». Другой крестьянин, бывший в Ивангородском уезде «на Талом Ручью в здоровой деревни», где крестьяне сообщили ему о том, что эпидемия действительно была и в Нарве, и в Яме, и в Ивангороде, но теперь случаев заболевания нет.⁴³

21 октября ладожский воевода смог сообщить в Новгород о том, что ему удалось узнать об эпидемии с помощью лазутчиков. Крестьяне Нотебургского уезда рассказали ладожскому человеку Климу Гордееву, что в Нарве действительно была эпидемия, во время которой вымерло до полусотни человек; наместник уехал на ивангородскую сторону «и заставы по дорогам поставил и мост через

Нарову-реку розломал». Неспokoйно было и в Нотебурге: тамошний наместник послал земца в Ивангород «для проведения морового поветерья»; вернувшийся земец лишь подтвердил слухи. Другой крестьянин «на Ореховщине» Сава Третьяков рассказал, что подошедшие к Невскому устью корабли не пропускают по Неве; на самом устье шведскими властями устроена застава; при этом ни в Нотебурге, ни в уезде эпидемии нет (это подтвердил ходивший за границу крестьянин Томилко Кубасов⁴⁴). На заставе в Медведском монастыре (на Волховском устье) Дмитрий Пущин задержал карбас ладожанина Прохора Гиблого, возвращавшегося из Швеции; там же находился и московский купец с товаром и, главное, с грамотой из Стоктольма в Москву к государю от «галанского посланника, который посланник был у государя в Москве». Тогда же, видимо, в устье был задержан и уже уплывавшийся пришедший из Швеции ко-

⁴³ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 465.

⁴⁴ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 796.

рабль с новгородскими купцами Остратом Богомоловым и другими. Воевода В. Ф. Неплюев запрашивал новгородские власти о том, как ему поступить с той грамотой⁴⁵. Одновременно крестьянин Иван Кононов был послан с Лавуи в д. Вагреселка Нотебургского уезда. Он также сообщил о прекращении эпидемии, а также о том, что проходящие корабли через Невское устье не пропускают, там стоит застава. По Ингерманландии ходит слух о том, что восточнее Наровы, на р. Росона, вымерло две деревни⁴⁶. Еще 15 октября со слов ярво-сольских крестьян лазутчики рассказывали, что нарвский наместник с женой бежали из Нарвы⁴⁷.

20 октября 1629 г. еще один лазутчик возвратился в Тесово. Крестьянин ездил в д. Закерновье Копорского уезда. Он встретился там с крестьянами Ивангородского уезда, привезшими королевский

хлеб. По словам этих крестьян, опасность эпидемии в Нарве сохраняется, мост между Нарвой и Ивангородом разобран, но восточнее Наровы «поветрии» нет, а нарвский наместник через Ямгород поехал в Копорье и Нотебург⁴⁸.

Для уточнения этих данных на заставу в д. Бежаны на р. Луге был послан сын боярский Афанасий Еремеев, который 30 октября вернулся в Тесово с отчетом о первых принятых мерах. Прибыв на заставу, он снесся с соседней заставой в д. Муравейно, выставленной из Сомерской волости. По его данным, эпидемия в Нарве была в сентябре и уже несколько недель как прекратилась. Вскоре в Тесово явились еще крестьяне, ходившие в Заречный погост, и подтвердили эти сведения. По их словам, также нарвский наместник, спасавшийся от эпидемии в Нотебурге, поехал обратно, через Копорский уезд в Нарву⁴⁹.

⁴⁵ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 444.

⁴⁶ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 456.

⁴⁷ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 796.

⁴⁸ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 453.

⁴⁹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 447.

Новую панику в Новгороде посеяли извения, принесенные из Ингерманландии 11 ноября сомерским крестьянином Вторым Никифоровым. По его словам, в Нарве вымерло семьдесят домов, а в Ивангороде – тридцать семей; все «лутчие торговые люди», спасаясь от эпидемии, разъехались по деревням, а в Ямгороде вымерло четыре семьи. Между всеми родами (Ивангородом, Нарвой, Копорьем) стоят заставы, через которые никого не пропускают. Получив эти известия, новгородские власти велели усилить меры безопасности на границе⁵⁰. Сомерский голова жаловался в Новгород, что не получает новых указаний, а посланный в гонцах Федор Бестужев не вернулся из Новгорода в Сомеро⁵¹.

Посланный устраивать заставу в Тигодском погосте А. И. Путилов доносил новгородским властям, что выставил пять застав между Лавуиским острогом и Тигодским

⁵⁰ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 435; 434.

⁵¹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 466.

погостом и пять застав между Тесовским острогом и Тигодским погостом, «по заставам указал беречь накрепко и заказ учинил всяким людям». С момента заступления Путилова на Тигодскую заставу мимо выставленных им постов никто не проезжал⁵². Путилов просил разрешения брать на заставную службу крестьян не только из Тигодского и Солецкого, но и из других погостов⁵³. Новгородские власти потребовали от Путилова добывать еще сведения об эпидемии, воевода велел, «чтобы provvedывал подлинно»⁵⁴, видимо, несколько не доверяя однозначно положительным известиям.

В ноябре 1629 г. подчиненный А. И. Путилову голова заставы в Солецком погосте Иван Путилов писал боярину кн. Д. М. Пожарскому, что, в соответствии с распоряжением властей, заставы в его районе укреплены, по заставам «непрестанно

⁵² Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 462.

⁵³ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 823.

⁵⁴ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 462.

всякий час ходят люди». Путилов послал за границу стрельца Афанасия Васильева сына Новгородца, который, впрочем, уже три дня как не возвращался. Возможности послать лазутчиков в Ивангородский и Копорский уезды у головы не было, да и, по его словам, оттуда в близлежащий Нотебургский уезд никто и не приходит, равно как и из Нотебургского уезда — в Солецкий погост, поэтому узнать что-либо про моровое поветрие в Ингерманландии не представляется возможным⁵⁵.

Костовская (Тигодская) застава, запе-решая Ореховскую дорогу в непосредственной близости от границы 1617 г., была организована именно в связи с потенциальной опасностью распространения эпидемии с территории Шведского королевства, в ряду мер, предпринятых новгородским воеводой кн. Д. М. Пожарским в начале октября 1629 г. Костовская застава называлась так по расположен-

⁵⁵ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 438.

ной рядом деревне Костово/Костуя; часто именовалась также заставой в Ильинском погосте, Тигодской заставой). Ей в каком-то смысле предшествовал «городок» в Ильинском погосте, известный во второй половине XVI века⁵⁶.

Новгородец Андрей Иванов сын Путилов начал устройство заставы 10 октября 1629 г., выведя линию из 10 небольших постов в сторону Лавуйской и Тесовской застав, расставив там стрельцов. Согласно его отчетам, граница была заперта наглухо и всякое движение через нее было остановлено. Вскоре после прибытия Путилова на заставу на него пожаловались окрестные помещики. Они утверждали, что Андрей Путилов и его 10 стрельцов, присланные «для немецкого морового поветря», требуют с них крестьян на заста-

⁵⁶ Близ совр. деревни Ильинский погост Тосненского района, неподалеку от Любани. Подробнее о локализации: Приходная книга Новгородского дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлинны»). М.; СПб., 2011. С. 160.

вы и подводы для перевозки стрельцов. Путилов предъявил им наказ, выданный в Новгороде, но помещики оспорили то, что содержание наказа относится именно к ним. «А в наказе, государь, у Ондрея написано: велено на заставу людей имать государевых дворцовых и митрополичьих и монастырских и помещицких, а тово, государь у нево в наказе не написано, с коих погостов и волостей и за сколько верст людей на заставу имать». Требованием дворян было уравнивать их с другими землевладельцами в числе крестьян и подвод, поставляемых на заставу. В челобитной помещиков упоминается и более ранняя заставка в Тигодском погосте: по словам помещиков, прежде на значенный на заставу «для морового поветрия» Алексей Третьяков брал крестьян и подводы поровну со всех землевладельцев⁵⁷.

Вскоре была подана еще одна челобитная помещиков. В ней названа иная чис-

⁵⁷ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 431.

ленность людей, назначенных с Андреем Путиловым: с ним якобы были присланы трое детей боярских и 20 стрельцов; требование же помещиков были такими же: уравнивать заставные повинности⁵⁸. В конце ноября 1629 г. игумен новгородского Духова монастыря Леонид жаловался на А. И. Путилова, якобы тот, приехав к монастырской вотчине на Оломне 25 ноября, «правил корм себе и стрельцам, да на разгон взял 3 человек на Ореховскую дорогу», тогда как дворцовые крестьяне Ладожского порога не снабжают Тигодскую заставу. Он требовал указания Путилову уравнивать духовских крестьян с дворцовыми в заставных повинностях⁵⁹. Новгородские власти укоряли голлову в том, что тот допускает «избылых» крестьян, требуя распределять поставки поровну между всеми крестьянами погостов, приписанных к заставе, повторяя требование: стоять на заставе «с великим

⁵⁸ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 505.

⁵⁹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 884.

береженьем»⁶⁰. Однако Путилов отвергал обвинения: он-де вовсе не брал кормов с духовских крестьян; только после своего дозора заставы на Оломне указал крестьянам духовской деревни Глажево прислать двух человек на Оломенскую заставу, а третьего отправили за границу узнавать новости⁶¹.

В конце ноября 1629 г. А. И. Путилов писал в Новгород об исполнении им наказа, полученного в начале месяца: «...велено, государи, по наказу и по памете на заставах во всех местах стояти с великим береженьем, чтоб в государеву сторону мимо застав никто не проехал <...>ми до рогами и малыми стешками...» Путилов оправдывался в своей отписке новгородским властям: его наказ не говорит напрямую, «с которых погостов и за сколько верст на заставу людей имать». В ведении головы была охрана границы в Тигодском и Солецком погостах, следова-

тельно, он и отягощал повинностями эти два погоста. При этом местные помещики просили голову уравнивать их в повинностях с другими погостами, однако на это ему нужна была санкция новгородских властей⁶².

В декабре 1629 г. крестьяне, вернувшиеся из-за границы на Костовскую заставу, сообщили, что «в Орешке, в Кореле и в Выборе»⁶³, в тех городах и в уездах от морового поветрия дал бог тихо, а про Ивангород и про Яму и про Копорью сказали» неуверенно. Однако, по верному замечанию головы А. И. Путилова, местности, которые он охраняет, с уездами этих городов «мало сходяца». Еще один крестьянин, Максимко, побывавший в Нотебургском уезде, принес примерно те же новости, но с предположением, что в западных городах «моровое поветрие отратных людей», а в уездах эпидемии нет.

⁶⁰ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 759 и 895.

⁶¹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 415.

⁶² Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 432 и 823.

⁶³ Здесь и далее в документах московской письменности так именуется город Выборг.

Он также сообщил, со слов ингерманландца Фомы Сокольниковца, что нарвский губернатор из Нарвы уехал в Кексгольмский уезд; комендант Ивангорода «Камарей» уехал в Нотебургский уезд, в Куйвошский погост, «с Якова Пунтосова⁶⁴ прикащиком с Федором с овдием». У Сокольниковца была возможность обшаться и с одним из слуг этого «Федора». Тот сообщил, что его господин был послан в Выборг по военной надобности. Вернувшись в Куйвошский погост, он рассказал, что Выборг заперт по неизвестной причине, незнакомых людей внутрь города не пускают; для всех остальных открыты одни ворота.

Еще один крестьянин, вернувшийся из-за границы 14 декабря, сообщил, что эпидемии в Копорском уезде нет; в Нотебурге же ожидают наместника; по его возвращении предполагается поставить на дорогах заставы. Житель Нотебургско-

го уезда советовал русскому крестьянину: «...и вы-де ходите к нам с великим береженьем, погубите себя и нас»⁶⁵. Новгородские власти, всполошенные новыми известиями об эпидемии, указали Путилову запереть заставами границу: «...ты б на заставах стоял неоплошно для всех мест и про моровое поветрие проводитьи посылал от себя за рубеж в здоровые места тутошних и окольных самых лутчих крестьян, кому мочно было верити... И того беречи накрепко, чтобы в государеву стору из-за рубежа мимо заставы большими дорогами и лешими малыми стежками никто не прошол и тайно не прокрался»⁶⁶. Фактически повторялся прежний наказ, несмотря на доходившие из Луги известия о прекращении эпидемии в Ингерманландии.

18 декабря А. И. Путилов послал за границу служку Макарьева монастыря Гаврилку Васильева. Через неделю, 25 де-

⁶⁴ Граф Якоб Деллагарди, шведский политический деятель и военачальник.

⁶⁵ Архив СПбИИ, ф. 109. Д. 415.
⁶⁶ Архив СПбИИ, ф. 109. Д. 416.

кабря, тот вернулся из-за границы. Он ходил в с. Поречье соседнего Ярвосольского погоста к иеромонаху Герасиму. По словам Герасима, болышая эпидемия охватила ненадолго до этого Нарву: весь город, по его словам, вымер, «всего в двуполатах дым курица». В Ивангороде же вымерло 17 русских человек, в Або и Выборге эпидемия если и была, то давно унялась, а в Нотебургском уезде и не начиналась. Герасим также сообщил, что по приходам Ингерманландии была разослана грамота о богомолые в честь того, что на шесть лет заключено перемирие между Швецией и Речью Посполитой (Герасим даже прочел такую грамоту служкаге). Теперь же до Ингерманландии докатились последствия войны в Ливонии: в Ярвосольском и Лопском погосте шведские власти собрали 64 подводы, полвина из них была отправлена в Невское устье, к «Спасу в Канцы», откуда привозимых морем «битых и раненых и больных» шведских военных везли в Финляндию. Другие 32 подводы власти отправили

в Нарву⁶⁷. Новгородские власти в ответ на такие известия указали Путилову неоднократно проверить те слухи, которые сообщали о прекращении эпидемии в Ингерманландии; требовалось специально выяснить, сняты ли заставы с ингерманландских дорог и имеются ли известия об эпидемии в каких-то дальних шведских городах. До того, как точная информация будет получена, А. И. Путилову предписывалось продолжать усиленно охранять границу⁶⁸.

19 декабря 1629 г. А. И. Путилов отправил сына боярского Лазаря Арцыбашева в сопровождении стрельца на Волхов, в Грузинский погост, в Керестскую и в софийскую Черницкую волости для сбора крестьян к заставной службе, а также и подвод. Однако повсеместно Л. Арцыбашеву пришлось столкнуться с неповиновением: приказчики и крестьяне отказывались идти на службу и давать подводы

⁶⁷ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 474.

⁶⁸ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 475.

для разъездов между заставами (посланным удалось «со всех бояршин на заставу взяти один человек»)⁶⁹. Новгородские власти, получив эту жалобу Путилова, сочли, что поволховские погосты и волости расположены слишком далеко от Костовской заставы: ему указывалось брать людей и подводы с погостов и деревень, расположенных в двадцативерстной округе, а за 30–40 верст от заставы не требовать ни людей, ни подвод⁷⁰. Однако А. И. Путилов продолжал жаловаться: ему приходилось отправлять с заставы стрельцов в разъезды на полторы сотни верст; крестьян же в его округе крайне мало, «и те мужичонка стоят у меня на заставах беспрестанно день и ночь». Он просил уравнивать крестьян Тигодского погоста в повинностях с другими погостами и волостями, в частности — с Водосской и Черницкой. Чувствуя скорое смещение, Путилов так заканчивал обращение в Новгород:

«Буде заставы не соймете... пришлите бумаги»⁷¹.

21 декабря 1629 г. к Костовской заставе подъехали сани с катафалком. Помещик И. Б. Секирин просил А. И. Путилова пропустить его в Антониев монастырь. Монастырь был родовой усыпальницей рода Секириных; там были погребены отец, дядя, жена и дети И. Б. Секирина. Теперь же он хотел похоронить там своего скоропостижно скончавшегося сына Савву. Но опасность «морового поветрия» ощущалась в те дни так остро, что заставный голова не решился на свой страх и риск пропустить тело Саввы Секирина в Новгород⁷². Иван Секирин писал, что его сын лежал больным около десяти дней, однако болезнь его называется «огневой» (т. е. горячкой, лихорадкой), незаразной. По словам несчастного отца, их поместье находилось в десяти и более верстах от градицы, и эпидемия не могла туда проник-

⁶⁹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 474.

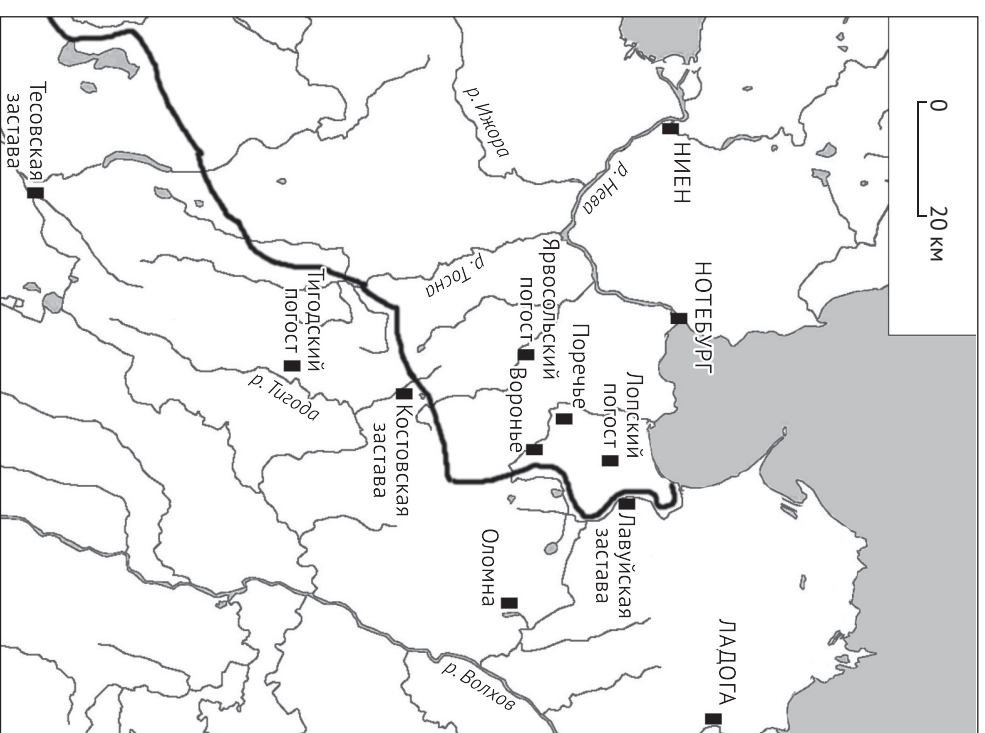
⁷⁰ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 475.

⁷¹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 494.

⁷² Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 474.

нуть. Он призвал в свидетели и заставного голову, который сам должен был видеть, что повсеместно лежат большие «огневой болезнью» люди, а также священников, причащавших его сына Савву — иеромонаха Исайно из Макарьевой пустыни и Василия Васильева из Тигодского погоста⁷³. Новгородские власти разрешили Путилову пропустить Ивана Секирина с телом сына в Новгород; однако ожидать ему пришлось почти три недели⁷⁴.

А. И. Путилов отправлял своих лазутчиков преимущественно на север, в Ярвосольский погост и в Ниен. Один из них, крестьянин Пантелейко Вавилин, ходил к старосте и священнику села Воронье; те же, ссылаясь на своих крестьян, сообщали, что в «острожке в Канцах» ходит слух, что в Нарве и в Ивангороде действительно была эпидемия, но зато ее нет ни в Нотебургском, ни в Выборгском и Кексгольмском

⁷³ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 476

⁷⁴ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 475.

уездах.⁷⁵ 27 ноября голова Костовской заставы Андрей Путилов вновь докладывал новгородским властям. Его лазутчик, ходивший в Явосольский погост, сообщил 13 ноября, что эпидемии нет ни в Нотебургском, ни в Выборгском уезде; есть лишь слухи об уже переставшем «поветрии» в Нарве и Ивангороде⁷⁶.

22 ноября 1629 г. о своих достижениях в защите Волховского устья докладывал в Новгород организовавший заставу в Медведском монастыре Д. С. Пушкин. 21 ноября 1629 г. прибывший к нему на заставу лазутчик Прошка Келейской расказал о своей встрече в Явосольском погосте с крестьянином Ониткой, который был на Ниене. И. Келейский передал слух об эпидемии в Ивангороде и Нарве и о разрушении там моста через Нарову. Другой лазутчик, ходивший в Лопский погост, в деревни Шельдиха и Лезве, напротив, сообщил, что «поветрие» в Ивангороде

кончилось и бежавший в Ям наместник Нарвы вернулся в город⁷⁷. Это же подтвердили и другие лазутчики⁷⁸.

Тогда, в конце ноября 1629 г., новгородские власти впервые приказали смягчить режим перехода границы. Новгородцы, задержанные на въезде в Московское государство, писали в челобитной: «А ныне, государь, по твоему государеву указу застав заставщиков сняти и в Немецкую землю и из Немецкой земли на Русь пропущати велено»⁷⁹.

В первых числах декабря в Ингерманландию тесовскими властями был отправлен крестьянин из д. Глебово, Иван Самуйлов. На шведской стороне, в д. Ижора Копорского уезда, он услышал (и принес в Тесово) слух, «что в Ругодиве вымерло немало поветрием, а в Иванегороде было поветрие тако лехче Ругодивского, а на Яме-де городе было и понелося тако-де

⁷⁵ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 823.

⁷⁶ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 432.

⁷⁷ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 427.

⁷⁸ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 437.

⁷⁹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 487.

немного, а в Копорье поветрея не было, а в уезде в Ямских и в Копорских в деревнях нету-де поветрея, не слышет нигде». По его словам, сообщение внутри Ингерманландии было перекрыто заставами⁸⁰. 8 декабря в Тесово вернулись посланцы в Ингерманландию лазутчики — дворянские крестьяне. В приграничной шведской деревне Заручье они пообщались с ездокками — копорскими крестьянами, сообщившими им о прекратившемся поветрии в Нарве и Ивангороде и о снятии внутренних застав в Ингерманландии: «...и писали из Ругодыва в Копорью и в уезды, чтобы ехали в Ругодив и в Ивангород без боязни всякие люди»⁸¹.

В конце декабря 1629 г. голова Сомерской заставы Иван Шипилов докладывал новгородским властям: «...стою я в Сомерской волости на заставе по немецкому рубежу», успел в конце ноября — начале декабря отправить несколько лазутчи-

ков за границу. По слухам, собранным его агентами в Ямском уезде, в Нарве вымерла большая часть города, «а воеводка-де селел в то время в [Выше]городе, а в большой город не ходил, и в Ыванегороде был мор великой и померли многие люди знадобю, а мерли-де по Филипповы заговейна, а ныне-де с Филипповых затовен моровое поветрее потишело, мору на людей нет». Через две недели еще один лазутчик рассказывал, что всего в Яме умерло четыре человека, а с Филиппова заговенья нет мора ни в Нарве, ни в Ивангороде. Причину эпидемии в Ивангороде и Нарве ямские посадские люди объясняли тем, что пришедшие из Любека суда привезли «поветрие» вместе с солью и яблоками, которыми торговали любекские купцы, «и те де суды отбили назад на море»⁸². Ровно такой же слух передавал 1 февраля 1630 г. в Новгороде посадский человек, вернувшийся из Нарвы: туда-де пришли корабли с солью, и ивангородцы

⁸⁰ Архив СПбИИ. Ф. 129. Д. 422.

⁸¹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 420.

⁸² Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 754.

купили соль, привезенную на этих судах, «и после того учали мереть и ругодивский державец велел те суда отбить прочь... а где после те суды пристали, инде и там был мор»⁸³.

Накануне Рождества 1629 г. в Тесовский острог поступили новые известия. По слухам, собранным в д. Суйда, в Ивангороде и Нарве с Егорьева дня эпидемия прекратилась, в Яме «поветрие» проявилось на Дмитриев день, а в Копорье и в Копорском уезде его не было вовсе. Примерно то же подтвердили крестьяне, пришедшие в Тесово из Зарецкого погоста и из Озертиц. 24 декабря стоявший на заставе в Бежаннах стрелец подтвердил примерно те же сведения со слов ходившего из Бежанна заставу в Муравейне крестьянина д. Хилок Федьки Зуева.⁸⁴ Сведения о том, что в конце декабря — начале января 1630 г. «морвое поветрие» в Нарве и Ивангороде завершилось («перенялось»), поч-

⁸³ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 790.

⁸⁴ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 794.

ти моментально поступили через Тесово в Новгород. В первых числах января 1630 г. на Зверинскую заставу прибыл шведский гонец с грамотой; не имевшие на такой случай инструкций стражники послали стрельца с известием о гонце в Тесово, к голове Петру Обольянинову. Гонец («Ондрей»), впрочем, сообщил на границе, что в Московское государство движется посланник от короля Густава Адольфа, которого в скором времени ожидают в Зарецком остроге. Не имея приказа от новгородских властей, Обольянинов не пропустил гонца, чем вызвал его протест: гонец утверждал, что никакой эпидемии в Ингерманландии более нет. Во всяком случае, «немчин» требовал принять у него грамоту к новгородским властям; однако он был отослан назад в Заречье, а новгородские власти запросили Польский приказ о возможных действиях в случае прихода шведских дипломатов к границе⁸⁵.

⁸⁵ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 899.

В начале января 1630 г. П. С. Оболянин-нов получил известия от своего подчиненного Ивана Пыхачева, стоявшего заставой в Бежанах, самой удаленной от Тесова деревне. По его словам, крестьяне Сомерской волости имеют обыкновение ездить за границу «без государева указа», так как у них за Лугой в Ямгородском уезде стоит более 2000 возов сена. Оболянинов запрашивал новгородские власти о том, как ему следует поступать в таких случаях⁸⁶.

2 января 1630 г. в Тесово приехали стрелец Абрамко Онуфриев и дворяцкий крестьянин Мелешка Иванов, ездившие в Зарецкий погост к шведскому гонцу; однако гонца они там не застали. По их информации эпидемия за границей прекратилась с Николина дня, по Ингерманландии можно безопасно передвигаться; в Ям и Ивангород вернулись все уехавшие из этих городов в опасении заразиться. Сами они видели, как из Нарвы в Зарецкий острог приезжал копорский земец

с приказом готовить припасы для нарвского наместника, который собирается в свое поместье в деревню Куровичи. Через два дня в Тесово пришли другие крестьяне, бывшие в Заречье и в Озерах. Они сообщили, что Ивангородском уезде вообще не было эпидемии; она была только в Нарвском уезде — на Мельнице и в двух деревнях на Наровском устье, а теперь прекратилась. Несмотря на это, около Ивангорода нельзя ездить без пропуска, «потому что вокруг Иванагорода живут немцы и латыши»⁸⁷.

6 января новгородские воеводы сообщили в Москву о том, что, по многочисленным сведениям с застав, полученным между 26 декабря и 6 января, эпидемия за границей кончилась; притом, что между шведским Зарецким острогом и русской границей скопилось довольно много людей, ожидающих пропуска в Московское государство; кроме того, гонец из Нарвы, посланный предупредить о скором прихо-

⁸⁶ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 489.

⁸⁷ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 477.

де шведского посольства, не дождавшись пропуска, уехал из острога. В отписке упоминалась и причина принесенной в Ивановгород эпидемии — купленная жителями соль с кораблей, пришедших из Любека: «пришли в Ругодив суда с солью, как стали соль разгружать, учали в Ругодиве люди умирать, и те суда от Ругодива отогнали»⁸⁸.

7 января в Тесово вернулся еще один лазутчик, крестьянин Д. Глебово, рассказавший, что у Ивангорода и Нарвы сняты заставы и проезд везде свободный. Он же встретил за границей слуг наравского наместника, «а стреляют вси птицы, а сказали ему, что воевода ругодивской приехал в Заречье, а едет в поместье свое в деревню в Куровичи, а птицы-де мы стреляем на воевоцкой обиход». 10 января в Тесово пришел наказ от новгородских воевод послать новых лазутчиков за границу, приняв у них присягу (это впервые в практике послышки), но ситуация изменилась со времени начала укрепления границы: «...и кре-

⁸⁸ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 821.

стьяне... говорили прежде того и ныне, што без государевы бес проезжей грамоты ходити ем за рубеж не можно»⁸⁹. Тогда же, 7 января, на Волховское устье вернулся лазутчик Иванко Суздолец, подтвердивший известие о прекращении эпидемии в Ингерманландии⁹⁰. То же сообщали Голове Лавульской заставы крестьяне, говорившие в Нотебургском уезде со старостой Ижорского погоста, а также с наравскими и ивангородскими купцами⁹¹.

9 января в Новгород пришла грамота из Посольского приказа с указанием снять заставы и сообщить в Нарву, что купцам с обеих сторон вновь разрешено свободно ездить с торговыми целями. Новгородские власти послали в Нарву с этим известием Богдана Турова, но не отказались полностью от мер предосторожности. Турову было указано еще раз проверить, окончилась ли эпидемия в Ингерманландии⁹².

⁸⁹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 486.

⁹⁰ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 490.

⁹¹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 491.

⁹² Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 499.

Сообщение от нотебургских земцев о возобновлении эпидемии действительно было получено А. И. Путиловым, на Тигодской заставе, от крестьянина Сергейка Намова, ходившего к своим родичам в Лопский погост. Другой тигодский крестьянин ходил в Ярвосольский погост, где узнал, что некоторое время был закрыт и Выборг, однако связано это было с приходом к этому городу трех кораблей («бус»), где эпидемия была на бортах: «...и те люди померли, а их по берегу в Выборг не пустили, и они для того в одни ворота ходят, што каждого человека спрашивают, а знакомых и приезжих людей не пушают». От старосты и священника Ярвосольского погоста тигодским крестьянам стало известно, что никаких признаков эпидемии в районе Нотебурга нет, но местных крестьян посылают в Ивангород с королевским платьем и с сухарями. В Ивангороде они стояли на гостинном дворе, «а купить им не дали ничего». По дороге они слышали от военных, что эпидемия завершилась, но нарвитяне с ивангородцами

пока «не сходятца». Голова Костовской заставы также жаловался, что ему крайне неудобно набирать на заставу людей Водосской и Черницкой волостей, которые находятся в полутораста верстах. Он явно ждал, что заставы, несмотря на известия, будут отменены, и запрашивал бумагу в том случае, «буде заставы не соймете»⁹³.

13 января лазутчики вернулись и в Сомерскую волость. Один из них ходил прямо к Ивангороду, но, по его словам, был только «блиско острога, в Ивангород не пошел по отписке, что в Ивангород ходить не велено». Он встречался с «лучшими» посадскими ивангородскими людьми — Иваном Серебряником Скоробогатым, Никифором Цеколдиным и Луккой Желваковым. По их словам, эпидемия действительно возобновлялась: в Ивангороде после Егорьева дня умер поп Яков; однако после этого случаи смерти закончились, и шведская администрация убрала заста-

⁹³ Архив СПбГИИ. Ф. 109. Д. 494.

вы на дорогах. В Ям пришло две роты конницы, которые будут находиться в городе до Троицы. Вскоре ожидается посольство из Швеции в Московское государство, от послов по Тесовской (Ивангородской) дороге посланы гонцы, которые жалуются, что их не пропускают через русские заставы⁹⁴.

Наконец, 18 января тесовский заставный голова отправил в Новгород известия от гонца Б. Турова, приехавшего из Ивангорода. Он останавливался на гостинном дворе, где также встретил псковских купцов Клима Резца и Ивана Патракиева. Они также сообщили, что эпидемия в Ивангороде кончилась еще на Николин день; сам же Клим Резец прожил в Ивангороде последние 22 недели (то есть приблизительно с начала сентября 1629 г.). В Ивангороде Богдан Туров видел нарвских ратманов, других жителей Нарвы, спокойно переходивших на ивангородскую сторону. Нарвский наместник несколько дней как

⁹⁴ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 493.

возвратился из своего поместья в Заречном погосте. Тогда же из Ревеля в Нарву пришли на трех лошадях извозчики новгородского купца Дмитрия Воскобойника; по их словам, в Ревеле также не было признаков эпидемии. Однако голова П. С. Обольянинов все же оставил Турова за заставой⁹⁵ и только после получения прямого указания из Новгорода пропустил его⁹⁶. Информация о прекращении эпидемии пришла от новгородских купцов и пятикопецких старост. Все это заставило воеводу кн. Д. М. Пожарского информировать Польский приказ еще 18 января о том, что на границе восстанавливается прежний режим⁹⁷. Заставные головы получили указания снять заставы на границах⁹⁸.

В те же дни «вестовщики», посланные с Костовской заставы в Нотебургский уезд, подтвердили «тесовские» сведения. Слуге Макарьева монастыря Гавриле Васильеву

⁹⁵ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 497.

⁹⁶ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 502.

⁹⁷ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 499.

⁹⁸ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 501.

удалось пообщаться со старостой, священником, другими крестьянами Яровольского погоста. Те успокоили российского подданного: по их словам, ни в Нотебурском, ни в соседних Выборгском и Кексольмском уездах эпидемии нет; однако назначение наместника в Нотебург откладывается. В то же время в Ивангороде и в окрестностях Нарвы «повітряе» также прекратилось «с Никколиня дня». Это же подтвердил другой «костовский» лагучник, крестьянин Якуш Леонтьев, который разговаривал с мужиками, возившими в Ивангород припасы для короля. Они рассказали о свободных дорогах во всей Ингерманландии; единственным «закрытым» городом остается Нарва, где ожидали «королевского дворянина»; в опустевших от эпидемии домах описывалось имущество. Это же подтвердил и еще один «вестовщик», добавивший также, что королевский посланный уже проехал из Ниена к Ивангороду⁹⁹.

⁹⁹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 504.

Впрочем, в феврале 1630 г. в Новгороде вновь возникло опасение распространения эпидемии. Стрелец Петрушка Григорьев сообщил, что мор начался уже по эту сторону границы, в Шелонской пятине, в поместье Мосея Скобельцына. Власти назначили розыск: на место вспышки был отправлен Богдан Туров, вместе с тем же стрельцом. Опасение было столь велико, что за ложные показания при розыске следовала смертная казнь; если бы Богдан Туров выяснил, что действительно началась эпидемия, деревни следовало запирать и «осекать около тех деревень лес, ставити сторожа крепкие, никаково человека из тех деревень не пущать»¹⁰⁰.

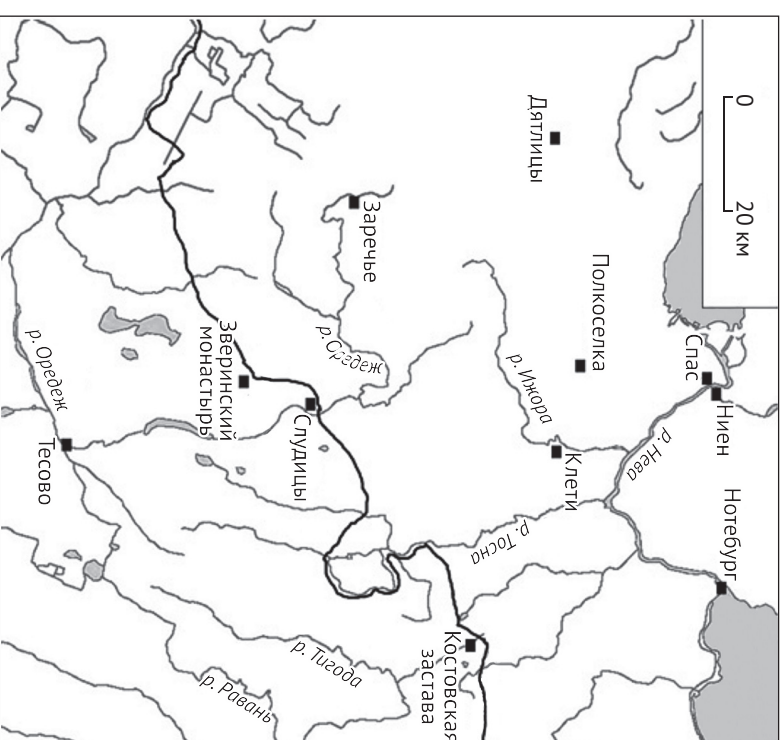
В результате розыска, проведенного Б. Туровым, на всем пространстве между Пшажским ямом и Гдовом эпидемии не выявилось. Ямские охотники показали, что «по осени и до Филипова заговенья» умерло трое или четверо «малых ребят», да в деревне, в пяти верстах от Мшаги (Пша-

¹⁰⁰ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 508.

ги), умерла женщина, «лет была старото... а не язвою»; признаков же эпидемии не нашлось¹⁰⁴.

Очередная тревога в Новгород пришла в конце мая 1630 г. с Тесовской заставы. Новый заставный голова Никита Тырков 25 мая получил известия от помещика пригрянчинной д. Слудицы Григория Чертова, одновременно стоявшего в Слудицах на заставе (почему-то так и не снятой после отмены карантиннов в феврале). Чертов передавал, что слышал от зарубежных крестьян-«пахотников», «которые пашут королевские пустоши», что в Ивангороде, в Дятлицком погосте и в Нотебургском уезде на Неве («храм Спаса на Неве от тово десеть верст»), а также в Полкоселке и на Клетях в Ижерском погосте вновь объявились известия об эпидемии. Никита Тырков писал в Новгород, что по получении тревожных известий он велел стрельцу, привезшему новость, равно как и Г. И. Чертову, стоять на Оредеже и продолжать

¹⁰⁴ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 509.

Служи о «моровом поветрии» 25 мая 1630 г.

Авт.? Непонятно, что иллюстрирует карта. Должна быть штриховка, чтобы показать территорию, по слухам, захваченную эпидемией, или в легенде отметить, что квадратиками обозначены места, где зафиксированы случаи болезни.

тайно проведывать новости. Сообщения спешно было отправлено в Новгород и пришло «мая в 27 день» «в другом часу ночи»¹⁰². Допрошенный в те же дни в Новгороде гонец из Нарвы Юхан сообщил, что в Нарве «морового поветрия» нет, а в Ивангороде в апреле действительно вымерло 3 двора, людей, которые остались в этих дворах живыми, нарвский наместник «выбил на лес». В мае же из Нарвы в Ивангород и обратно не пускали¹⁰³.

В то же время сходные известия пришли в Новгород с Костовской заставы. 21 мая на заставу приехали мужики из Яровосольского погоста «Первуша Кобелеской с товарыщи». По их словам, они преследовали двоих литовских пленных, бежавших из Нотебургской крепости. Яровосольцы сообщили, что где-то в Копорском уезде действительно бушует эпидемия. Через два дня, 23 мая, голова Василий Гурьев от правил крестьян за границу. Эти крестьян

¹⁰² Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 540.

¹⁰³ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 542.

не пришли к своему знакомому Федорку, вместе с которым сходили на Неву, к его тестю Ивану Минину. Тот рассказал, что эпидемия началась в Морской Лахте, где умер крестьянин с семьей, всего семеро человек, «а суседи его тое деревни выехали в Остров в Морское и тепере живут в Острову, а в те де поры у того мужика, который моровым поветреем помер, была жонка с робенком в гостях, была с Невы реки з деревни из Развин, и та де женка пришед в Развино тем же моровым поветреем и с робенком умерли за неделю Николина дни, а после де того Бог милоствал, стало тихо, морового поветеря не слыхаты»¹⁰⁴. Было ли это эпидемией, неясно, но, по всей видимости, речь шла о смертных случаях, которые раньше были зафиксированы ингерманландскими крестьянами в Слудцах: похоже, умирали люди в десятки верстах от Спаса на Неве.

Новгородские власти приняли уже привычные решения: усилили заставы, за-

¹⁰⁴ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 546.

претили передвижение через границу, а вся линия «новгородской» границы со Швецией распределена на зоны ответственности между разными заставами головами. К каждому из них было прикомандировано несколько детей боярских, по-видимому возглавлявших небольшие заставы по деревням. Первый (с западной стороны) участок распространялся от границы Псковского уезда к Сомерской заставе (туда были назначены только дети боярские), второй — от Сомерской волости до Тесова (его возглавлял Степан Андреевич Пустошкин), к нему были назначены стрельцы приказа Ивана Ушакова¹⁰⁵. От Тесова до Тигодского погоста по заставам стояли дети боярские Водской патины (но также и стрельцы того же приказа) во главе с Никитой Яковлевичем Тырковым. На разные заставы были разосланы для посылок стрельцы приказа Ивана Григорьевича Баранова¹⁰⁶. От Тигодского погоста до

реки Лавуи были назначены на службу местные помещики Водской патины и новгородские казаки. На Лавуйскую заставу и до устья Лавуи отправили детей боярских и новгородских стрельцов (возглавлял этот участок Степан Кушелев). Последний восточный охраняемый участок границы проходил вдоль берега Ладожского озера: заставы выставлялись на устьях Волхова, Сяси, Воронегги. П. С. Обольянинов, имевший опыт защиты границы от эпидемии в Тесове, был назначен здесь головой. С девятью детьми боярскими он должен был встать заставой в Никольском Медведском монастыре; кроме того, к нему было прикомандировано восемь новгородских казаков и приказано взять у ладожского воеводы В. Ф. Неплюева 22 ладожских стрельца и казака.¹⁰⁷ Это был самый многочисленный отряд из тех, которые были организованы в течение эпидемии.

¹⁰⁵ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 789.

¹⁰⁶ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 792.

¹⁰⁷ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 545; Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 544.

29 мая в Новгороде был допрошен недавно приехавший из Шведского королевства купец из Любека «Борис Иванов Морец». Он описал свой маршрут: 12 мая он прибыл в Нарву из Ревеля, 13 мая выехал из Нарвы, ехал до Яма на лошадах, в Ямесеел в судно и через Тесово 24 мая приехал в Новгород. По его словам, он ничего не слышал об эпидемии, проехал Ивангород мимо, следуя в Ям, «разве после него что-то учинилось, кабы слышал, и к Новгороду бы не поехал, и в Ругодив бы не поехал»¹⁰⁸.

1 июня воевода кн. Д. М. Пожарский и дьяки сообщили обо всех мероприятиях в Посольский приказ и своим соседям в Псков. В отписке они писали, что запретили впускать в Московское государство кого бы то ни было от Сомерской волости и до Ладожского озера, до Свирского устья, «чтобы никоторый человек ни большой дорогой, ни малой стежкой и лесами не прошел». Одновременно приведен-

ные к присяге лазутчики были разосланы в «здоровые» места¹⁰⁹.

31 мая в Тесово прибыл рекою в судне шведский подданный Иоганн Меллер с проезжей грамотой с королевской подписью. Он потребовал пропустить его для закупки хлеба в Архангельск, угрожая, что если его не пропустят, то Московское государство понесет моральные потери: «...свейской король на твою государеву милость надежен, что твое государево слово будет непременно». Голова Никита Тырков не осмелился пропустить нагльца. На Луге (видимо, в Бежанах или в Муравейно) в то время на заставе стоял сын боярский Глотов; Меллер миновал его, отказавшись повиноваться. Но Н. Я. Тырков задержал Меллера на Тесовской пристани. Новгородские власти запрашивали Москву, насколько безопасно будет пропустить шведского негоцианта, или, как любого другого, из-за угрозы распространения эпидемии его следует выслать

¹⁰⁸ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 551.

¹⁰⁹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 552.

за границу. Никите Тыркову они приказали укорять Меллера, что тот, зная «в своей стороне такое Божие посещение», все же поехал в Московское государство¹¹⁰. О Меллере в Новгороде знали; о его предстоящем визите предупредил тот нарвский гонец Юхан, который одним из первых сообщил об эпидемии в Ивангороде, однако воевода кн. Д. М. Пожарский не решился принять на себя ответственность пропустить или не пропустить его в Архангельск и запросил Посольский приказ.

В конце сентября 1630 г. известия об эпидемии привезли на Тесовскую заставу несколько купцов, возвращавшиеся в Московское государство из Швеции. Один, родом из Торопца, рассказал, как ездил из Новгорода торговать в Ревеле, причем жил в Ревеле больше 10 недель. По дороге обратно он был в Нарве, Ивангороде и Яме. В Ревеле и округе, как и в Нарве, об эпидемии не было известно ничего, ничего не было слышно и про заморские швед-

ские города. Другой купец по имени Кистайко ездил торговать только в Ингерманландию — в Нарву, Ивангород и Ям. Будучи в Ивангороде, он слышал, что в Нарву приходил корабль с солдатами, присланными королем, «а тово-де не ведают, сколько людей на нем, на том-де корабле едучи померли, и тех мертвых метали с корабли в море, а то-де подлино ведаю, што оне мерли не моровым поветреем, ни язвою сминою, мерли-де з голоду с нужи с ратные». Массовую смертность объясняли голодом: «...хлеб-де у короля в полках добре дорог, а как тот корабль пришел в Ругодив и в виваньгород, и тех людей умели кормить хлебом и беречь, и тех людей принас в Ругодиве и в виване городе не умировало никакова человека»¹¹¹. Однако это были последние известия о «моровом поветрии», полученные в Новгородской земле.

Результат борьбы с эпидемией в 1629–1630 гг. был неожиданным. Контроль гра-

¹¹⁰ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 549.

¹¹¹ Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 561.

ницы, усилившийся в связи с карантинными мероприятиями, практически не ослаб. Вся линия границы стала строго охраняться. Разумеется, с сентября 1630 г., когда прекратились слухи об эпидемии, читать документы через костер прекратили; но пересечь границу с этого времени стало чрезвычайно сложно.

Карантинны на Шелони летом 1662 г.

Новые войны Московского царства с соседями в середине XVII в. продемонстрировали сходные способы борьбы с возможными эпидемиями. В середине XVIII в. Псков и Новгород стали «ближним тылом» в противостоянии с Польско-Литовским государством.

В марте 1662 г. были получены известия о «моровом поветрии» в Опочке, псковском пригороде на пути в Великое княжество Литовское. Немедленно был установлен карантин. На дороге из Пскова к Новгороду и из Новгорода к Москве по погостам были установлены заставы под общим руководством В. С. Мушина-Пушкина. Основанием для введения карантина были сведения, полученные 8 марта

Заставы между Псковом и Новгородом в 1662 г.

1662 г. в порховской приказной избе от одного из крестьян: «слышал он во Пскове от многих дворян, что в Опочке на люди моровое поветрие, а померло больше 300 человек». В наказе заставным головам было приказано обращать особенное внимание на движение документов: брать у гонцов «листы», переписывать их и первые списки оставлять у себя, а вторые отсылать на Веряжское устье к заставному голове Мусину-Пушкину, на которое было возложено общее руководство карантинном в этой части Новгородской земли¹¹².

Однако не все случаи центральное правительство могло предугадать. Продолжавшиеся военные действия и связанные с ними передвижения войск создавали свою специфику обслуживания карантинна. Так, 25 марта 1662 г. на заставу на Пшажском яму приехала группа иноземных офицеров — «толковник Томас Ганс да полковник Ирик Немин да капитан Яков

¹¹² Архив СПбИИ. Кол. 183. Карг. I. Д. 174.

Мылер да порутчики Петр Ивановской да Григорей Станкереев да полковой квартермист да с ними их пять человек». Один из заставных голов, Иван Белегов, взял с иноземцев поручительство, что в Пскове «на людей морового поветрия нет и не бывало», пропустил их далее к Новгороду. Еще группа офицеров «полковники Василией Волжинской да Филип да Ортемей Росфор с полуполковники и с маеры и со многими людьми» двигались вслед за ними. Однако голова Симон Ушаков отказывался на свой страх и риск пропустить иноземцев дальше¹¹³. Иван Белегов получил выговор от новгородских властей за самочинный пропуск иноземцев в традиции той же риторики, что и в 1571 г. царь Иван выговаривал костромским властям. Вместе с тем, он оставался на службе; в том же наказе ему было велено у «новгородского пушкаря Бориска Иванова, которой приедет изо Пскова в Новгород», взять грамоты, через огонь перерод¹¹⁴.

¹¹³ Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 176.

писать на бумагу, а самого не пропускать к Новгороду¹¹⁴.

В связи с движением через заставы иноземцев возникла проблема передачи содержания грамот, написанных на немецком языке, непонятном для заставных голов и местных дьячков-грамотеев. «Немецкие» листы следовало оставлять на заставах «до указа», то есть на неопределенный срок¹¹⁵.

Далеко не везде заставы действительно замыкали существовавшие дороги. Некоторые были установлены в лесных районах, вдалеке от магистральных путей. Голова одной такой заставы в Лядском погосте, Фаддей Змеев, писал новгородскому воеводе кн. И. Б. Репнину о том, что с 18 по 24 марта по дороге не проезжал ни один человек¹¹⁶.

В апреле 1662 г. особенная застава была установлена уже и на Московской до-

¹¹⁴ Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 185.

¹¹⁵ Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 188.

¹¹⁶ Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 179.

роге, в Крестцах. Гонцов из Старой Руссы и из Лук Великих к Москве и в Великий Новгород следовало пропускать «без задержанья, иных спрашивать накрепко». Однако простых лучан и старорушан, следовавших по дороге, следовало задерживать¹¹⁷.

6 апреля 1662 г. голове заставы в Медведском погосте Ивану Судакову местный священник Иван Иванов подал донос, в котором писал: «в Медвецком погосте за заставою с версту в деревни Ушне у крестьянина зарубежского выходца у Васили Прокопева умерла невестка скорою смертию без попа, а погребли тоже без попа в сопке, да того же государи, числа збежал с заставы новгородцкой казак Мишка Иванов, а слух до меня дошел, что пошел в Великий Новгород»¹¹⁸. Он тут же доложил об этих событиях в Новгород. Воевода кн. И. Б. Репнин приказал голове И. Судакову «чтоб он послал и велел

в той деревни разыскать накрепко, какою смертию та дефка умерла и долго ль лежала больна или скорою смертию умерла, и велел бы ту деревню обсечь и никово пускать из деревни и в деревню не велел. А ково пошлет сыскивать, и тех бы к себе не пускал, а расспросил бы через огонь». Более того, эти записанные через огонь речи следовало посылать и читать через огонь голове заставы на Веряжском устье В. С. Мусину-Пушкину, а тот снова через огонь должен был дать информацию новгородским властям¹¹⁹.

Крестьяне Медведского погоста с трудом переносили тягость карантина. В конце концов они подали жалобу на заставного голову: «Жалоба на Медведской заставы на заставного голову на Игнатя Андреева сына Судкова в том. В нынешнем во 170м году по твоему указу поставлен он, голова Игнатей на Медведе на заставе для ради морового поветрея, да с ним же с выгнатьем десять человек

¹¹⁷ Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 192.

¹¹⁸ Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 194.

¹¹⁹ Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 195, 199.

стрельцов. И он, Игнатей, нас, сирот, на (заставе?) медвеццкого wyborного держал и правежем доправил пять рублев денег. Да он же, Игнатей, правит рыбы и грибов и пиригов, а нам, сиротам, рыбу взять не-где и купить не добыть, потому что от нас озеро удалело, и грибов взять негде же, а пиригов печь не с чево. И держит на за-ставе по дватцати человек беспрестанно, а стрельцы ходят и гуляют по деревням, а караулов не караулят. Да он же, Игнатей, велел стрельцам убить после правежку, и те стрельцы по его Игнатеву веленью того Медведцкого потоста крестьянина Куземку Евсеева убили до полусмертвия напрасно»¹²⁰.

Тогда же на «главного» голову, В. С. Му-сина-Пушкина, жаловались и крестья-не дворцовых пригородных сел Ракома и Трасова. «Да он же голова Василией ем-лет с нас, сирот твоих, крестьян на карау-лы, и стоят на карауле день и ночь. И нам, бедным, на караул крестьян давать невоз-

можно сверж корму и подвод». По словам дворцовых крестьян, соседние софийские крестьяне, в отличие от них, не платят на устройство заставы ничего; именно стремлением к более равной раскладке повинностей и была обусловлена эта жа-лоба.¹²¹

6 апреля 1662 г. голова Опочкой за-ставы Иван Белеутов получил «память», подтверждающую регламент карантинной охраны. В тот же день на заставу из Пско-ва приехали члены Сысской комиссии во главе С. А. Охлебаевым. В тот же день на заставу прибыл атаман копорских казаков Никита Ларионов, посланный в войска на Друю. Всех этих людей допросили через огонь, и все они показали, «что-де Божии милостью во Пскове все здорово, моро-вого поветрея нет, а про Опочку тож ска-зали, что-де в Опочке морового поветрея нет». Однако заставный голова задержал их всех, так как не имел иного указания; не беря на себя ответственность поверить

¹²⁰ Архив СПбИИ. Кол. 183 Карг. 1. Д. 215.

¹²¹ Архив СПбИИ. Кол. 183 Карг. 1. Д. 217.

этим известиям¹²². Новгородские власти в ответ велели пока оставить всех этих служилых людей близ заставы и не обшаться с ними иначе как через огонь¹²³.

В условиях карантина 1662 г. все «прочитанные через огонь» документы уничтожались (сжигались), в Москву (по всей вероятности, оберегая от заражения служителей кремлевских приказов) отправлялись сделанные в Новгороде списки, «запечатав в лист с новгородской печатью»¹²⁴.

В апреле 1662 г. псковский архиепископ Макарий просил разрешения пропустить через заставы его письмо, адресованное лично царю: «изволите велеть пропустить то письмо к великому государю бес переписки, и я велел то письмо отдать гонцу, а будет не изволите пропустить того письма, и я то письмо велел поворотить к себе, для того, что такому великому духовному делу в переписке быть нельзя».

Архиепископ опасался, что его письмо, содержашее личные обращения к царю, будет прочитано кем-то лишним, при переписке его через огонь. Архиепископ свою просьбу подкреплял хорошими новостями: «во Пскове дал Бог здорово, мору нет, а которые волею Божией есть и больные, и те от болезней оправливаются, а язвы никакой не бывало», «а в городе в Опочке уездных людей померло немало от тесноты и от холоду и от голоду, город и острог небольшие, а в них уездных людей прибежало Опочечкой уезд, Велеской уезд, Вороноцкий уезд, Ржева Пустая, а как порозо(шлись) от тесноты, дал Бог здорово, а язвы смертные и каковой белезни не было, а которые крестьяня из Опочки порозехались по своим домишкам, поляки многих побили»¹²⁵.

¹²² Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 196.

¹²³ Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 200.

¹²⁴ Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 207.

¹²⁵ Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 214.

Заключение

Практика борьбы с эпидемиями в Московском царстве выросла, по всей вероятности, из обычных практик, существовавших в Средневековье. Тексты летописей, повествующие о масштабных бедствиях — голоде и море, — преимущественно носят эсхатологическую окраску. В них содержится мотив Божьего наказания за грехи ныне живущих и необходимого покаяния как средства избавления от беды. Во всех летописных текстах этого рода содержится указание на массовую смертность: именно она является признаком бедствия. Нет сомнения в том, что использовались и иные, кроме молитвы и покаяния, способы борьбы с эпидемия-

ми. Представления о том, что болезнь может передаваться через контакты людей друг с другом, а также вместе с движением документов, были еще в средневековой Руси (впрочем, не следует считать, что в этом отношении Русь серьезно отличалась от других частей света, от Европы и Азии).

Появившиеся с приходом на Северо-Запад Руси московской власти массовые источники поначалу, в первой половине XVI в., бедны сведениями о том, как вела себя власть в случае «морowego поветрия». Но из посланий известного старца Филофея наглядно ясно, что власть боролась с эпидемиями путем ограничений на передвижение и массовыми захоронениями умерших в отдаленных от городов местах уже в начале XVI в. Представления о том, что лучшими средствами борьбы с распространением заразы являются карантин и огонь, создали к концу XVI в. хорошо отработанную систему ограничения передвижения людей и бумаг, исполнявшуюся властями. Документы этого пе-

риода очень четко обозначают цель таких ограничений: не допустить урона особе государя и войску. Прагматика московских документов здесь достаточно четко контрастирует с эсхатологией летописных текстов.

Впрочем, прагматика XVI–XVII вв. основана на рациональности. Карантинные мероприятия против распространения эпидемий находят ближайшее подобие в таких же карантинах, которым подвергались те, кто возвращался в Московское царство из Европы: их помещали на время в монастырь, дабы там они «очистились» от «латинства» или «люторства» (Толстиков, 2017, 151).

Исполнение карантинных практик осуществлялось военно-полицейскими операциями, которые вызывали неприятие местных жителей, чрезвычайно активно привлекавшихся к карантинным мерам в качестве исполнителей. Источником информации для принятия решений служили «вести», то есть устные сообщения. Добывать их следовало местным властям. Од-

нако принятие решений об установлении или снятии карантина происходило только в Москве; со временем такая централизация и отказ от ответственности только усиливались.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- 1592 ноября около 9 — Отписка воевод Петра Шереметева с товарищами о подготовке к походу на Нарову для устранения шведских послов // Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 6–10.
Что
означает
"Ок"?
- 1592 ноября ранее 10 — Отписка послов **Ок** М. Г. Салтыкова, Д. И. Черемисинова и дьяка Постника Дмитриева царю Федору Ивановичу с сообщением об отсутствии эпидемии **в и стане** в Казимирове Котле // Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 145.
Тут нет
какой-то
части?
- 1592 ноября около 25 — Отписка послов **Ок** М. Г. Салтыкова, Д. И. Черемисинова и дьяка П. Дмитриева царю Федору Ивановичу с оправданием своего отхода от места переговоров в Тязине к Казиминову Котлу в ответ на выговор по челобитной воеводы П. Н. Шереметева // Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 174.
- 1593 января после 9 — Отписка новгородских воевод боярина кн. В. И. Шуйского с товарищами послам **Ок** М. Г. Салтыкову, Д. И. Черемисинову и дьяку П. Дмитриеву с сообщением об отправке в Москву прежде присланных переводов с грамот шведских послов и о несправедливости жалоба на то, что гонцы, отправляемые в Москву с посольскими отписками, получают в Новгороде Великом недостаточно подвод // Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 327–328.
- 1586 — Межевая книга дворянского села Тесова дьяка Андрея Арцыбашева и подьячего Семены Емельянова. Список // Архив СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 84. Л. 15 об.–16.
- 1592 октября — Отписка дьяка Постника Дмитриева царю Федору Ивановичу с оправданием, что возведенное на него обвинение в том, что он будто бы послал своего духовника в места, охваченные эпидемией — ложное // Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 165.
- 1592 октября 23 — Отписка новгородских воевод боярина кн. В. И. Шуйского с товарищами царю Федору Ивановичу о получении грамот из посольского стана в Тязине и из Ивангорода от воеводы кн. Ф. И. Хворостинина, снятии с них списков и отсылке этих списков в Москву // Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 60.

- 1593 января 14 — Отписка послов ок. М. Г. Салтыкова, Д. И. Черемисинова и дьяка П. Дмитриева царю Федору Ивановичу с сообщением о получении царской грамоты, присланной с Петром Загряжским, и о возобновлении ими переговоров со шведскими посланцами, предварительно назначенном на 18 января // Архив СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 323–324.
- 1629 октября — Наказная память от новгородских воевод кн. Д. М. Пожарского с товарищами Д. С. Пушкину о службе на заставе на Волховском устье // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 882.
- 1629 октября — Роспись детей боярских, посланных на заставы вдоль русско-шведской границы // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 763.
- 1629 октября 3 — Грамота новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарскому с товарищами ладожскому воеводе В. Ф. Неплюеву об охране границ в связи с моровым поветрием в Швеции // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 443.
- 1629 октября между 3 и 22 — Отписка ладожского воеводы В. Ф. Неплюева новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарского с товарищами об известиях про моровое поветрие в шведских провинциях // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 444.
- 1629 октября ранее 8 — Отписка головы Тесовской заставы П. С. Оболянинова новгородским воеводам кн. Д. М. Пожарскому с товарищами о том, что он расставил заставы в районе Тесова и отправил крестьян проводить весте о моровом поветрии в Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 470.
- 1629 октября между 8 и 12 — Отписка головы Тесовской заставы П. С. Оболянинова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с товарищами с известиями о моровом поветрии в Нарве и Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 426.
- 1629 октября около 10 — Челобитная царю Михаилу Федоровичу помещиков Ильинского Тигодского погоста с просьбой урвать их крестьян, привлечаемых к заставным работам, с крестьянами других погостов // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 431.
- 1629 октября 13 — Память от новгородских воевод голове Тесовской заставы П. С. Оболянинову о дополнительной посылке за рубеж лучших крестьян для проведывания вестей о моровом поветрии. Без окончания // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 761.
- 1629 октября 14 — Допросные речи крестьянина Сомерской волости Андрея Якунина на Наметской заставе о моровом поветрии в Нарве // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 455.
- 1629 октября 15 — Расспросные речи на заставе на Волховском устье (или на Лавуе?) крестьян, бывших в Нотебургском уезде с сообщением о поветрии в Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 796.

- 1629 октября ранее 17 — Отписка головы заставы на Волховском устье Дмитрия Пушина новгородским воеводам кн. Д. М. Пожарскому с товарищами о том, что приказчик М. И. Милославского в Маасельгском погосте отказался дать крестьян на заставу // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 412.
- 1629 октября ранее 18 — Отписка головы Тесовской заставы П. С. Обольянинова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому о вестях про моровое поветрие с просьбой прислать бумаги // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 471.
- 1629 октября 20 — Допросные речи крестьянина Ивашка Конанова о моровом поветрии за рубежом // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 456.
- 1629 октября ранее 23 — Отписка головы заставы в Волховском устье Д. С. Пушина новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому о начале службы на заставе // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 463. Опубл.: Русско-шведские экономические отношения. М.; Л., 1960. № 31. С. 62–63.
- 1629 октября между 23 и 29 — Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского голове заставы на Волховском устье Д. С. Пушину с запрещением пропускать торговых людей на русскую сторону, так как они скрыли известия о моровом поветрии в Швеции // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 458.
- 1629 октября 24 — Отписка головы Тесовской заставы П. Обольянинова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с известиями о моровом поветрии в Нарве // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 453.
- 1629 октября 24 — Отписка новгородских воевод кн. Д. М. Пожарского с товарищами псковским воеводам кн. Д. П. Пожарскому с товарищами с сообщением известий о моровом поветрии в Нарве // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 757.
- 1629 октября 29 — Челобитная царю Михаилу Федоровичу посадских людей Ивана Матвеева сына Пономарева, Гаврила Клементьева и Истома Матвеева о пропуске их земляков Острата Богомолова, Ивана Гаврилова и Степана Бобровника из Волховского устья в Новгород // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 457.
- 1629 октября 29 — Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского Д. С. Пушину пропустить на русскую сторону вернувшихся из-за рубежа торговых людей О. Богомолова и С. Бобровника // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 460.
- 1629 октября 30 — Отписка головы Сомерской заставы И. И. Шипилова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому о вестях про моровое поветрие в городах Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 465.
- 1629 ноября — Челобитная царю Михаилу Федоровичу помещиков Ильинского Тигодского погоста об уравнении их в людской и подводной повинности на Тигодскую заставу

- с помещиками окольных погостов // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 505.
- 1629 ранее ноября 1 — Отписка головы заставы в Тигодском погосте А. И. Путилова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому об устройстве застав и о вестях о моровом поветрии за рубежом // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 462.
- 1629 ноября 12 — Допросные речи крестьянина Второго Никифорова на Сомерской заставе о моровом поветрии в Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 435.
- 1629 ноября 18 — Отписка головы Сомерской заставы И. И. Шипилова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому о вестях про моровое поветрие // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 466.
- 1629 ноября 20 — Распросные речи крестьян Медведского монастыря на Лавуиской заставе, пришедших из-за рубежа о моровом поветрии в приграничных уездах Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 437.
- 1629 ноября 22 — Отписка головы заставы на Волховском устье Д. С. Пушина новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с товарищами с известиями о моровом поветрии за рубежом и с сообщением о задержании на Волховском устье прибывших из Швеции новгородцев О. Богомолова и С. Глазкова // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 427.
- 1629 ноября 25 — Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского голове Тесовской заставы П. С. Оболяниннову об усилении бдительности при охране границы от морового поветрия в связи с новыми известиями // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 434.
- 1629 ноября ранее 28 — Отписка головы заставы в Тигодском погосте А. И. Путилова в Новгород о вестях про моровое поветрие в Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 432 и 823.
- 1629 ноября 29 — Челобитная царю Михаилу Федоровичу игумена Духова монастыря Леонида с братьей с просьбой об уравнении монастырских крестьян в поставке людей и кормов на Тигодскую заставу // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 884.
- 1629 ноября 29 — Отписка головы заставы в Солецком погосте Ивана Путилова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с известиями о моровом поветрии в Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 438.
- 1629 ноября ранее 30 — Челобитная царю Михаилу Федоровичу дворянских крестьян села Тесова с просьбой править заставные дела на них поровну с владельческими крестьянами // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 423.
- 1629 декабря 2 — Память новгородских воевод кн. Д. М. Пожарского с товарищами голове Тигодской заставы А. И. Путилову с ответом на его челобитную и с указанием о рав-

- номерном сборе людей и кормов со всех крестьян, приписанных к заставе // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 759 и 895.
- 1629 декабря ранее 6 — Отписка головы Тесовской заставы П. С. Обольянинова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с товарищами с изложением вестей о поветрии за рубежом // Архив СПбИИ. Ф. 129. Д. 422.
- 1629 декабря между 8 и 10 — Отписка головы Тесовской заставы П. С. Обольянинова в Новгород о вестях про моровое поветрие в Нарве и Ивангороде // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 420.
- 1629 декабря 9 — Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского с товарищами голове Тесовской заставы П. С. Обольянинову об охране границы, о проведывании вестей про моровое поветрие за рубежом и о даче 3 человек с санями стрельцам, посылаемых на дальние от Тесова заставы // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 419.
- 1629 декабря ранее 19 — Отписка новгородским воеводам кн. Д. М. Пожарскому с товарищами головы Костовской заставы А. И. Путилова о вестях о моровом поветрии и с опровержением поданной на него челобитной игумена Духова монастыря Леониды // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 415.
- 1629 декабря 21 — Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского с товарищами голове Костовской заставы А. И. Путилову о принятии мер против возможного морового поветрия в прилегающих провинциях Швеции // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 416.
- 1629 декабря 21 — Челобитная царю Михаилу Федоровичу сына боярского И. Б. Секирина о разрешении ему похоронить умершего сына в Антониевом монастыре // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 476.
- 1629 декабря 25 — Отписка головы Тесовской заставы П. С. Обольянинова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с товарищами с сообщением новых известий о моровом поветрии в Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 794.
- 1629 декабря 25 — Отписка головы Тигодской заставы А. И. Путилова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с известиями о моровом поветрии в Ингерманландии и о смерти от огневой болезни сына Ивана Секирина // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 474.
- 1629 декабря 26 — Отписка головы Сомерской заставы И. И. Шипилова новгородским воеводам кн. Д. М. Пожарскому с товарищами о возвращении из-за рубежа посланных туда крестьян и их распросные речи // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 754.
- 1630 января — Отписка новгородских воевод кн. Д. М. Пожарского с товарищами в Польский приказ с изложением известий, поступающих с застав с приложением распросных речей крестьян, бывших за рубе-

жом в Заречье и в Ямском уезде, о моровом поветрии. Без начала // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 899.

1630 января – Челобитная царю Михаилу Федоровичу новгородских посадских торговых людей с просьбой пропустить их в Новгород с Волховского устья // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 487.

1630 января – Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского голове заставы на Волховском устье Д. С. Пушкину о разрешении пропускать торговых людей через рубеж, едущих из мест, не охваченных моровым поветрием // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 488.

1630 января 2 – Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского голове Тигодской заставы А. И. Путилову по его прежней отписке с разрешением отпустить в Новгород тело умершего сына Ивана Секирина Саввы // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 475.

1630 января 4 – Отписка головы Тесовской заставы П. С. Обольянинова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с изложением вестей о моровом поветрии, полученных от ходивших на шведскую сторону крестьян // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 477.

1630 января 6 – Отписка новгородских воевод кн. Д. М. Пожарского с товарищами в Польский приказ с сообщением о моровом поветрии в Ингерманландии и о задержке

шведского гонца на границе // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 821.

1630 января 9 – Отписка головы заставы в Волховском устье Д. С. Пушкина новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с новыми известиями о моровом поветрии за рубежом и расспросные речи вернувшегося из-за рубежа крестьянина // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 490.

1630 января 11 – Отписка головы Тесовской заставы П. С. Обольянинова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с известием о прекращении морового поветрия в Нарве и Ивангороде // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 486.

1630 января ранее 12 – Отписка головы Лавуцкой заставы В. А. Неелова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с изложением расспросных речей о моровом поветрии за рубежом // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 491.

1630 января 12 – Отписка головы Тесовской заставы П. С. Обольянинова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому о том, что крестьяне Сомерской волости хотят ездить за своим сеном, накошенным за р. Лугой, без царского указа // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 489.

1630 января 12 – Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского голове Тесовской заставы П. С. Обольянинову о новых мерах против морового поветрия, в связи с новы-

- ми известиями из Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 492.
- 1630 января 13 – Отписка головы Тигодской заставы А. И. Путилова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с сообщением о новых вестях про моровое поветрие и с просьбой прислать бумаги в случае, если заставы не будут отменены // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 494.
- 1630 января не ранее 13 – Отписка головы Сомерской заставы И. И. Шипилова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому с вестями о моровом поветрии в Ингерманландии с изложением распросных речей побывавших за рубежом крестьян // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 493.
- 1630 января 16, 22 и 24 – Распросные речи на Тигодской заставе крестьян Тигодского погоста о моровом поветрии в Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 504.
- 1630 января 18 – Отписка новгородских воевод кн. Д. М. Пожарского с товарищами в Польский приказ с сообщением об окончании морового поветрия в Ингерманландии и о принятых мерах для его предупреждения на русской стороне // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 499.
- 1630 января 18 – Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского голове Тесовской заставы П. С. Обольянинову о разрешении Б. Турову проехать в Новгород с листом от губернатора Ингерманландии и о пропуске шотландцев Александра Лесли с товарищами мимо Тесовской заставы // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 502.
- 1630 января 18 – Отписка новгородских воевод кн. Д. М. Пожарского с товарищами в Польский приказ с сообщением об окончании морового поветрия в Ингерманландии и о принятых мерах для его предупреждения на русской стороне // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 499.
- 1630 января около 18 – Отписка головы Тесовской заставы П. С. Обольянинова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому о приезде на заставу гонца Богдана Турова с пересказом его распросных речей // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 497.
- 1630 января 19 – Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского голове Сомерской заставы И. И. Шипилову о том, что если подтвердятся сведения о прекращении морового поветрия, то Шипилову надо снять порубежные заставы и ехать в Новгород // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 501.
- 1630 февраля 1 – Распросные речи в Новгородской съезжей избе побывавшего в Нарве новгородца о моровом поветрии за рубежом // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 790.
- 1630 февраля 23 – Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского Б. Турову об обыске про моровое поветрие в поместье Ми-

- сея Скобелыцна и о борьбе с поветрием на Мшаге и в окольных погостах // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 508.
- 1630 февраля после 23 — Распросные речи на Мшаге ямского охотника Нечайка Пухова о моровом поветрии на Мшаге // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 509.
- 1630 мая — Список стрельцов приказа И. А. Ушакова, назначенных в посылку // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 789.
- 1630 мая — Список стрельцов приказа И. Г. Баранова, назначенных в посылку // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 792.
- 1630 мая — Память новгородских воевод кн. Д. М. Пожарского с товарищами П. С. Обольянинову о назначении на заставу на Волховское устье в Медведский монастырь в связи с новыми известиями о моровом поветрии за рубежом // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 545.
- 1630 мая — Ростпись казаков и стрельцов, посылаемых на заставы вдоль шведской границы // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 544.
- 1630 мая не позднее 27 — Отписка головы Тесовской заставы Н. Я. Тыркова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому о вестях про моровое поветрие в Ореховском и в Корском уездах // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 540.
- 1630 мая 28 — Распросные речи толмача Ивана Яганова и нарвского гонца Юхана в Новгородской съезжей избе о моровом поветрии за рубежом // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 542.
- 1630 мая 29 — Распросные речи любчанина торгового человека Бориса Иванова Морвца и посадских людей ямлян в Новгородской съезжей избе // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 551.
- 1630 мая ранее 30 — Отписка головы Тигодской заставы В. Гурьева новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому о новых вестях про моровое поветрие в Нотебургском и Копорском уездах // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 546.
- 1630 июня 1 — Отписка новгородских воевод кн. Д. М. Пожарского с товарищами псковским воеводам кн. Д. П. Пожарскому с товарищами с известиями о моровом поветрии и принятых против него мерах // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 552.
- 1630 июня 1 — Отписка новгородских воевод кн. Д. М. Пожарского с товарищами в Посольский приказ с сообщением новых известий о моровом поветрии и о попытке шведских гонцов проехать в Московское государство // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 549.
- 1630 сентября ранее 7 — Отписка головы Тесовской заставы Н. Я. Тыркова новгородским воеводам кн. Д. М. Пожарскому с товарищами с изложением допросных речей торговых людей, приехавших в Тесово из Ингерманландии // Архив СПбИИ. Ф. 109. Д. 561.
- 1662 марта 15 — Память по указу царя Алексея Михайловича воеводе кн. Ивану Борисо-

- вичу Репнину с товарищи выбрать посланцев и ехать на большую псковскую дорогу в Опочкий монастырь, посад и Опочкую волость, где началось моровое поветрие, много людей умерло, на большой дороге поставит крепкие заставы, чтобы никого не пропускать ни в Опочкую волость, ни из нее // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 174.
- 1662 марта — Отписка Симона Ушакова, головы заставы на Пшажском яме в Новгород // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 176.
- 1662 марта 28 — Отписка в Новгород воеводе кн. И. Б. Репнину заставного головы Фадейки Змеева с Лядского погоста и ближайших деревень о том, что через заставу никто не проходит и не проезжает, а о моровом поветрии в Опочке спросить не у кого // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 179.
- 1662 апреля — Челобитная дворянских крестьян сел Ракома и Трясова царю Алексею Михайловичу с жалобой на голову В. С. Мусина-Пушкина // СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 217.
- 1662 апреля — Отписка псковского архиепископа Макария новгородскому воеводе кн. И. Б. Репнину с товарищами о пропуске его письма к царю Алексею Михайловичу // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 214.
- 1662 апреля 3 — Наказ новгородским воеводам кн. И. Б. Репнина с товарищами заставному голове Пшажского яма Ивану Белугтову с выговором о пропуске без наказа иноземных офицеров // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 185.
- 1662 апреля 4 — Память заставному голове Василию Селиверстовичу Мусину-Пушкину о том, чтобы как только на заставу придут люди из Пскова и Опочки с отписками, перенять те отписки и переписывать на другую бумагу, а ту бумагу жечь, а если листы будут немецкие, держать их до указа из Новгорода, а людей в Новгород через заставу не пускать // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 188.
- 1662 апреля 4 — Запись наказа новгородского воеводы кн. И. Б. Репнина заставным головам осылке памяти на заставы о запрете на пересечение и с наказом Ивану Судакову // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 195.
- 1662 апреля 4 — Отписка новгородских властей в Новгородскую четверть о числе отписок, присланных в Новгород с застав // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 207.
- 1662 апреля около 7 — Отписка заставного головы в Медведском погосте Игнатия Судаква в Новгород // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 194.
- 1662 апреля около 7 — Отписка головы Опочкой заставы Ивана Белугтова новгородским властям кн. И. Б. Репнину с товарищами // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 196.
- 1662 апреля 8 — Память Ивану Аничкову ехать на Крестецкий ям и поставить там и в околь-

ных деревнях сторожей крепких и кто едет в Новгород или в Москву, никого не пропускать // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 192.

1662 апреля после 8 — Челобитная старосты и крестьян Медведского погоста царю Алексею Михайловичу с жалобой на заставного голову Игнатия Судакова // Архив СПбИИ. Кол. 183 Карт. 1. Д. 215.

1662 апреля 9 — Память новгородских властей Игнатию Андреевичу Судакову о принятии мер к следствию о подозрительной смерти в д. Ушно // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 199.

1662 апреля после 9 — Память новгородских властей заставному голове Ивану Тимофеевичу Белеутову о задержке до указа прибывших на заставу служилых людей, сообщивших о прекращении «морового поветрия» // Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 200.

Публикации источников

Приходная книга Новгородского дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлинны»). М.; СПб., 2011.

Наказ воеводам, отправленным в Новгород в 1617 г. / Сообщен П. И. Ивановым // Русский исторический сборник. Т. 1. Кн. 2. М., 1837. С. 79–103.

Летописец 1619–1691 гг. // ПСРЛ. Т. 31. М., 1968.

1681 января 13 — Грамота смоленскому воеводе боярину кн. И. Б. Троекурову о принятии предосторожностей от морового поветрия, открывшегося в Польше // ПСЗ. Собрание 1. Т. 2. СПб, 1830. № 858. С. 294–295.

1699 декабря 28 — Наказ ближнему боярину и новгородскому воеводе кн. И. Ю. Трубечкому о разборе военных людей, об управлении торговыми делами и о наблюдении градского и сельского благочиния // ПСЗ. Собрание 1. Т. 3. СПб., 1830. № 1738. С. 682–690.

Литература

Soheil A. 1968. Natural Calamities and Their Effect upon the Food Supply in Russia (An Introduction to A Catalogue) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Нf. 3. P. 353–377.

Langner L. N. 1975. The Black Death in Russia: Its Effects upon Urban Labor // *Russian History*. Vol. 2. № 1. P. 53–67.

Альшиц Д. Н. 1956. Неизвестные послания Ивана Грозного // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 12. С. 427–430.

Борисов Н. С. 2014. Чума и возвышение Москвы // Родина. № 5. С. 61–64.

Будовниц И. У. 1966. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв., М.

Бужилова А. П. 2005. Номо sapiens. История болезни. М.

- Делюмо Жан.* 1994. Ужасы на Западе. М.
- Дербек Ф. А.* 1895. История чумных эпидемий в России. СПб.
- Держач В. А., Михайлов А. В.* 2014. Каменные крепости Изборска и окрugi. Псков.
- [Дженкинсон А.] 1884. Путешествия м. Антона Дженкинсона / Пер. С. М. Середонина // Известия англичан о России XVI в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, Книга 4.
- Захаров С. Д.* 2006. Древнерусский город Белого озера. М.
- Козюренко О. В.* 1995. Скудельницы в Пскове в XV–XVI вв. // Церковная археология: материалы Первой всерос. конференции. СПб.; Псков. Ч. 2. С. 117–120.
- Кузьмин В. Г.* 2009. Моровые кладбища средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 58–66.
- Кузьмин В. Г.* 2006. Погребальные комплексы Пскова XI–XVIII вв. (к постановке проблемы) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 51–59.
- Лаврентьев А. В.* 2016. Печать великого князя Дмитрия Ивановича Донского и русские фобии XIV века // Studia Slavica et Baltica Retorolitaana. № 1 (19). С. 110–130.
- Масса Исаак.* 1937. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.
- Малинин В.* 1901. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев.
- Медведева М. В.* 2015. Вопросы сохранения Труровой креста в начале XX в. (по документам из архивного собрания ИИМК РАН) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 60-го заседания (22–24 апреля 2014 г.). Вып. 30. М., Псков, СПб. С. 103–110.
- Мусин А. Е.* 2010. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.
- Самаркин В. В.* 1976. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976.
- Селин А. А.* 2014а. Приезд принца Ганса Датского в Московское государство и Новгородский служилый город в 1602 г. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы Вып. 3. М., 2014. С. 278–349.
- Селин А. А.* 2014б. Самуэль Браувер – нидерландский купец в Великом Новгороде в 1629 году // Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. СПб., 2014. С. 72–78.
- Сорокин А. Н.* 2015. Скудельницы Древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. № 3. С. 236–262.
- Снегальский Ю. П.* 1978. Псков. Л.
- Срезневский И. И.* 1893. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.

Толстиков А. В. 2017. Религиозный аспект понимания политических границ в допетровской России (на примере российско-шведских отношений) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 8. М., 2017. С. 145–163.

Филюшкин А. И. 2013. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.

Шамин С. М. 2020. Иностранцы «памфлеты» и «куръезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М.

Шамин С. М. 2011. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.

Шамин С. М. 2007. Слово «куранты» в русском языке XVII – начала XVIII в. // Русский язык в научном освещении. № 1 (13). С. 119–152.

Шаскольский И. П. 1966. Восстановление русской торговли со шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира // Скандинавский сборник. Вып. 11. С. 61–79.

Штаден Генрих. 1925. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИИМК – Институт истории материальной культуры.
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- СПбИИ – Санкт-Петербургский институт истории РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение. «Мор» и борьба с ним в средневековой Руси	7
Заставы в Новгородской и Псковской землях в первые десятилетия «московской» эпохи	24
Наказы воеводам и регулирование карантина на Северо-Западе	33
Борьба с мором в ходе первых Тавзинских переговоров (1592–1593)	40
Борьба с «моровым поветрием» на русско-шведской границе в 1629–1630 гг.	51
Карантины на Шелони летом 1662 г. ..	115
Заключение.....	126
Литература и источники	130
Неопубликованные источники.....	130
Публикации источников	148
Литература	149
Список сокращений	153

Научное издание

Адриан Александрович Селин
МОСКОВСКИЕ КАРАНТИНЫ
Борьба с «моровыми поветриями»
в XVI–XVII вв.
в Новгороде и Пскове

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания ИП *Трофимов В. Ю.*

Подписано в печать 10.02.2020.
Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 8,4. Гарнитура «РТ Sans».
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Отпечатано с готовых диапозитивов
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.sprd.ru, E-mail: sales@sprd.ru,
8 (495) 988-63-76, т/ф. 8 (496) 726-54-10